18+

А. Владимирович

Грани Лунного камня

Серия «Тайны великих детективов»

А. Владимирович

Грани Лунного камня. Серия «Тайны великих детективов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60972001
ISBN 9785005154354

Аннотация

В череде бесконечных романов о красивых женщинах, благородных мужчинах и коварных злодеях «Лунный камень» выделяется своим невероятным сюжетом. История появления на свет одного из самых популярных романов в мировой литературе кажется банальной. Но, перечитывая свидетельства, мы натыкаемся на улики, которые Уилки Коллинз, словно преступник, утаил от нас. Перед вами попытка добраться до истоков этой истории, разобраться в причинах и мотивах, побудивших писателя скрыть настоящие факты.

Содержание

Серия «Тайны великих детективов» 5
Грани Лунного камня 6
Глава первая, рассказывающая о необычном событии на Веллингтон-стрит и знакомящая нас с Уилки Коллинзом 6
Глава вторая, о «Змеином камне» и алмазе «Орлов» 23
О приключениях «Орлова» в России 32
Глава третья, о загадочной жизни Уилки Коллинза и его первой любви 42
Глава четвертая, о легендарной истории «Кохинура» 85
Сокровища Великих Моголов 88
Документальная история «Кохинура» 100
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Грани Лунного камня
Серия «Тайны великих детективов»

А. Владимирович

Дизайнер обложки Светлана Матвеева
Редактор Татьяна Видякова
Редактор Алексей Астапенков

© А. Владимирович, 2024
© Светлана Матвеева, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0051-5435-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия «Тайны великих детективов»

Вышли:

Восточный экспресс
Тайна в крови
Убийство по буквам
Время умирать. Почему Ян Флеминг убил Джеймса Бонда
Грани Лунного камня

Готовятся к выходу:

Найо Марш: детективы в поисках автора
Доктор Белл – человек, который не хотел быть похожим на Шерлока Холмса
Убийство – дело семейное

Грани Лунного камня

Моим питерским друзьям,
Лизе, Лене и Андрею

Глава первая, рассказывающая о необычном событии на Веллингтон-стрит и знакомящая нас с Уилки Коллинзом

Никогда еще Веллингтон-стрит не видела такого скопления народа.

Маленькая улочка неподалеку от оперного театра Ковент-Гарден и моста Ватерлоо, отпочковавшаяся от Стрэнда, во второй половине XIX века превратилась из еще одной тихой улицы в мировой центр журналистики.

Согласно данным переписи, за десять лет, с 1841 по 1851, на этой улочке обосновались офисы двадцати газет и тринадцать издательств или книготорговых фирм, среди которых самыми известными были Джордж Рейнольдс и Генри Мэйхью.

Успешный писатель и журналист Джордж Уильям Макартур Рейнольдс, издававший вместе с партнером «Сбор-

ник Рейндольдса» и «Еженедельную газету Рейнольдса», был одним из первых журналистов, кто рассказывал о криминальных новостях английской столицы. Когда Оскар Уайльд под впечатлением от казни одного из заключенных, осужденного на смерть за убийство жены, написал «Балладу Редингской тюрьмы», драматург знал, что только один издатель в Лондоне отважится напечатать столь радикальную поэму. У Рейнольдса имелся мотив, чтобы расположить офис именно на Веллингтон-стрит, ведь на соседней улице располагался полицейский участок знаменитых «бегунов с Боу-стрит» под руководством Генри и Джона Филдингов, чистивших английскую столицу от многочисленных банд. Соседом Рейнольдса был Генри Мэйхью известный журналист и публицист, руководитель газет «Лондонский лейборист» и «Лондонская беднота», исследовавший жизнь беднейших слоев английской столицы. Столь плотная концентрация издателей и журналистов на одной улице привела к тому, что Веллингтон-стрит быстро превратилась из «малоизвестного притока Стрэнда» в культурную достопримечательность, которую посещали интеллектуалы, политики, люди из криминала и заходили поглазеть приезжие. Этой славе способствовали газеты и журналы, продававшиеся не только в Лондоне или Европе, но и во всем Северном полушарии. А некоторые экземпляры доставлялись даже в Австралию, а потому журналисты и газетчики гордились тем, что их читают во всем мире.

Главной звездой Веллингтон-Стрит был Чарльз Диккенс, чей офис газеты «Домашнее чтение» располагался в самом начале улицы. Один из жителей улицы, простой торговец, оставивший свидетельства о тех годах, пишет что «его худощавую фигуру часто видели, когда он стремительным шагом проходил мимо его лавки, одновременно с боем часов, и в руке у него была его неизменная маленькая сумка».

Когда писатель порвал отношения с деловыми партнерами и основал собственную газету, он уже настолько привык к этой улице, что арендовал помещение под офис буквально в одном из соседних домов. А еще спустя пару лет снял второй этаж над редакцией, где располагалась его холостяцкая квартира.

На маленькой улице регулярно собирались зеваки и знатоки литературы в ожидании очередного выпуска журнала или газеты. Но такого скопления любителей чтения, как это случилось летом 1868 года, на Веллингтон-стрит еще никогда не наблюдали. Каждую пятницу, аккурат к моменту выхода очередного номера «Круглого года», собирались толпы, через которые с трудом протискивались журналисты, издатели и просто прохожие. Улица была заполонена людьми самого разного возраста и социального положения. Здесь были молодые люди респектабельного вида и простые рабочие, которые умели читать и для которых газета была зачастую единственным средством развлечения. На всех деревьях словно стая голодных птиц расселись мальчишки-разносчики, кото-

рые сообщали любопытным о том, как идут дела в офисе. Еще один удивительный факт, зафиксированный свидетелями этого необычного явления на Веллингтон-стрит. Получив свои экземпляры, эти самые мальчишки не торопились с продажами свежих номеров, а открывали газету и стремительно читали новый номер в поисках ответа, который волновал большую половину Лондона. А пока все ждали очередного номера газеты, в редакции за единственным столом сидел Уильям Генри Уиллс, с которым Диккенс познакомился еще в «Дейли ньюс», а позднее сделал своей правой рукой. Худой и маленький человек с цепким взглядом профессионального редактора, в который раз пытался сосредоточиться на первом отпечатанном экземпляре, чтобы поймать все ошибки наборщиков. Толпы любителей чтения, ожидающие очередного номера, действовали ему на нервы.

За два десятилетия работы с Диккенсом он привык, что издание газеты – это четко отрегулированный механизм. Диккенс неизменно появлялся в редакции к восьми утра и работал до одиннадцати. В тот же день, когда выходил очередной номер, вечером собиралось совещание, где обсуждались материалы, которые должны войти в следующий номер. Шеф не просто планировал издание следующего номера, в своей голове он постоянно держал план того, что будет напечатано в нескольких следующих номерах газеты, а если уезжал, оставлял план на несколько месяцев вперед.

Невиданное «со времен потопа» столпотворение вызвала

одна единственная публикация в газете – новый роман Уилки Коллинза «Лунный камень». О романе спорили непрофессиональные критики и рецензенты, которые отнеслись к этой публикации весьма прохладно. «Лунный камень» вызвал небывалую волну интереса главным образом среди простых читателей.

Когда в журнале публиковались последние главы с рассказом Габриэля Беттериджа, на Веллингтон-стрит в группе постоянных читателей газеты Диккенса стали замечать новые лица. Итоговый вердикт сыщика Каффа уже ожидала толпа нетерпеливых читателей романа. Наконец, когда печатали последние главы романа, по небольшой улочке было просто не протолкнуться от назойливых поклонников Коллинза и нетерпеливых читателей. Казалось, даже не половина Лондона, а все способные читать собрались на Веллингтон-стрит. Улица гудела от споров о том, кто украл камень. Появились активные маклеры, принимавшие ставки на индусов или кто-то из слуг госпожи Вериндер.

Вот и сегодня все посматривали на окна редакции в ожидании только одного – последней главы, когда автор наконец разрешит сомнения, поставит точку и все узнают куда пропал Лунный камень.

А писатель не спешил раскрыть свой главный секрет. Он рассказывал и рассказывал, бесконечная история лилась, а мастерское умение закручивать сюжет лишь добавляло напряжения. Дополнительным стимулом интереса к роману

стали многочисленные слухи об авторе.

***

Разгадку таинственного исчезновения Лунного камня в романе Уилки Коллинза предлагает персонаж, который хорошо заметен благодаря своим странностям. Эзра Дженнингс – человек с пегими волосами и смуглым лицом (в русском переводе «загорелым по-цыгански» и «пребезобразным именем»), очевидно, это все намеки указывают на смешанную англо-индусскую кровь персонажа. Большую часть истории он проводит на задворках, и едва ему удается предложить разгадку, как он умирает от давно мучающей его болезни и настаивает, чтобы те немногие документы, которые характеризуют его личность, были похоронены вместе с ним, что придает всем его странностям отблеск таинственности. Его внешность в прошлом, возможно, была причиной вынужденных путешествий в попытке избежать последствий «мерзкой клеветы». Его чуждость английским традициям, увлечение ориентализмом и талант детектива, необходимость быть добровольным изгоем, но главным образом привязанность к опиуму, который мистер Дженнингс употребляет, как болеутоляющее средство на протяжении многих лет, наводит нас на мысль о желании Коллинза провести параллели между собой и этим странным персонажем. Очевидно, в этот самый момент к вам, точно так же как и ко мне, подкрадывается мысль о том, что подобную историю невозможно сочинить на трезвую голову. С одной стороны, роман

удивительно хорош для своего времени! Но с другой, контрапунктом этой увлекательной истории служат ужасные готические легенды о зыбучих песках и пропавших в них девушках. Разве такое можно придумать без порядочной дозы лаудунама. Ведь ни сегодня, ни в XIX веке подобное место было невозможно отыскать на береговой линии Йоркшира. Хотя как по мне, попытки современных исследователей усмотреть в зыбучих песках «гротескную пародию на женский оргазм», действительно, напоминают опиумный бред, причем гораздо больше, чем все «бредовые фантазии» писателя.

Но вернемся к Коллинзу, а между тем мастер увлекательных историй любил сам подлить масла в огонь. Например, писатель несколько раз рассказывал друзьям о том, что совсем не помнит, как написал Эпилог и главу «Мисс Клак». По словам Андерсона, Коллинз буквально говорил: «Я был не только доволен и удивлен финалом, но и не признал его своим»[1]. А еще писатель совершенно будничным тоном рассказывал, что принимал лаудунам не только ночью, чтобы заснуть, но в больших дозах в течение дня, пока работал над «Лунным камнем». Только вот после тщательной проверки оказывается, что эту историю писатель позаимствовал из биографии Вальтера Скотта. За полвека до Коллинза шотландский писатель поведал о том, что в момент написании «Невесты Ламмермура» принимал по 200 капель лауда-

[1] Peters C. The King of Inventors: A Life of Wilkie Collins. London, 1991. Стр. 311.

на каждые шесть часов. По словам биографа, писатель был настолько измотан, что впервые не записывал, а надиктовывал главы будущего романа, просто чтобы вовремя сдать роман в печать. По уверениям этого же биографа, боли у писателя были такие, что снимались лишь порядочной дозой алкоголя и опиума, при этом Скотт находился в таком дурмане, что после, «когда печатная версия романа впервые попала ему в руки в окончательной форме, он не мог вспомнить ни одного инцидента, персонажа или диалога». А когда он прочитал печатную копию в состоянии сильного беспокойства и удивления, «увидев нечто совершенно вопиющее и фантастическое».

Современные исследователи выяснили, что Скотт действительно последнюю, пятую часть романа, продиктовал в апреле 1819 года. Но по словам исследователей, к этому моменту боли Скотта ослабли настолько, так что писатель снимал острые приступы простыми приемами горячей ванны, не обращаясь к помощи опия или других «лекарств» и обезболивающих.

Но вернемся к вопросу о том, почему Коллинз так упорно распространял странные слухи о своей работе?

Роман «Лунный камень» представляет собой переломный момент в отношении писателя к опиуму. Ведь в этой истории «спорное лекарство» употребляет лишь «странный персонаж» и Фрэнклин Блэк. Причем употребление приводит к непредсказуемым последствиям, например, амне-

зии. В дальнейшем Коллинз исключит упоминания об опии из своих произведений. А потому, читая «Лунный камень» сегодня, трудно понять, опиум – проклятие или лекарство. Очевидно, Коллинз понимал, что переходит границы дозволенного общественным мнением и поэтому отобразил двоякое отношение к наркотику. Но если вы заглянете в его предыдущий роман, Лидия Гвилт не может сдержать своего восхищения:

«Кто был человек, который изобрел лаудан? Я благодарю его от всего сердца, кем бы он ни был. Если бы все жалкие несчастные от боли тела и разума, чьим утешителем он был, могли бы собраться вместе, чтобы петь ему хвалу, какой это был бы хор! У меня было шесть восхитительных часов забвения; Я проснулся с моим разумом». Настоящая апология!

Подобное переосмысление дает повод утверждать, что писателю во время работы над романом стали известны факты, которые «заставляли задуматься, о „лекарстве“».

Незадолго до написания романа в Англии случился юридический претендент, вероятно с которым был знаком несостоявшийся адвокат Уилки Коллинз. В 1862 году состоялся суд над Эстер Григгс, которая выбросила своих детей через открытое окно, полагая, что дом охвачен огнем. Точнее, Эстер не предстала перед судом, поскольку во время предварительного слушания медицинские эксперты объяснили, что нельзя судить человека, который «тронулся (повредился) умом».

В 1861 году в Челмсфорде судили женщину за убийство собственного ребенка. Ее защита основывалась на том, что женщина совершила преступление в несознательном состоянии из-за избыточного приема лаунданума. Но присяжные сочли ее виновной, поскольку, согласно английским законам, люди принимающие наркотики несут юридическую ответственность за свои действия. Так был ли Франклин Блэк ответственен на кражу алмаза? Если бы Коллинз был присяжным, вероятно, он ответил бы нет.

А между тем, отношение общества к употреблению опиума и производного от него лаунданума сменилось на негативное. Это отчетливо понимал Коллинз и менял собственную позицию по этому вопросу. Хотя до конца жизни он будет употреблять «лекарство», он отказался не только рекламировать, но и даже упоминать о «средстве».

При этом не стоит забывать о том, что Уилки оставался неисправимым сочинителем историй, а потому о своей работе над романом «Лунный камень» он сочинил немало небылиц. Кроме рассказа об измененном сознании, под влиянием которого он сочинил заключительные главы романа, с подачи автора первые биографы рассказывают о том, что из-за сильных болей Коллинзу пришлось сменить нескольких секретарей, которые записали большую часть романа под диктовку. Коллинз рисовал перед друзьями яркую картинку, описывая этих секретарей и секретарш, рассказывал, что ни один из них не мог долго выдерживать его крики и стоны.

Наиболее ранняя из известных фотографий Уилки Коллинза (1857)

К счастью, сохранились оригинальные рукописи романа, на основании которых мы можем судить о том, кто и как записывал роман. И действительно, две главы из первой части романа представляют собой текст, записанный чужой рукой. Все строки подчеркнуты, очевидно, Коллинзу пришлось собственноручно вычитывать и проверять текст перед отправкой редактору. Сохранилось письмо Коллинза Харперу, где он поясняет, что не мог собственноручно написать эти две главы из-за сильных болей.

Во второй части, в рассказе мисс Клак присутствует пять листов, которые написаны рукой приемной дочери, выполнявшей функции секретаря, а еще одна страница, написанная аккуратным женским почерком, который не поддается идентификации. Затем следует двенадцать страниц написанных карандашом рукой Уилки. Из чего можно сделать вывод, что писатель работал над ними лежа в постели. Оставшиеся страницы рукописи написаны рукой Коллинза, который очевидно работал над рукописью за письменным столом, поскольку написаны они чернилами. Поэтому рассказы о многочисленных секретарях на деле оказываются сильным преувеличением.

Из предварительных заметок к роману, которые Коллинз

делал на бумаге из лондонского клуба Атенеум[2], согласно расчетам биографов, это, должно быть, случилось в ноябре 1867 года. Роман должен был носить название «Глаз змея», поскольку в обрамлении истории рассказывалось об индийской секте с аналогичным названием.

Из предварительных заметок понятно, что Коллинз активно пользовался помимо книг, взятых у его друга Пиготта, также справочными статьями из «Британской энциклопедии», очевидно в библиотеке клуба имелось многотомное последнее 8-е издание 1855 года выпуска. Из этих заметок становится понятно, что весь сюжет от начала до конца не привиделся автору в опиумном бреду. Заметки о «Глазе змея» заканчиваются смертью злодея от «удушения», как вы помните, Эбелвайт был убит в ходе бандитского налета, чему предшествовала сцена, где его и лондонского ростовщика чуть не придушили.

В этой предварительной истории нет только одного весьма заметного раздела из будущего романа – полицейского расследования. В связи с этим исследователи полагают, что история о «полицейском расследовании» была придумана Коллинзом по настоянию Диккенса. Вы, наверное, помните, что именно Диккенс интересовался полицейскими расследованиям инспектора Чарльза Филда из Скотланд-Ярда и описал свое видение работы полицейских в «Холодном доме». Можно также предположить, что Диккенс был недоволен даль-

[2] Эти предварительные заметки хранятся в библиотеке Принстона

нейшим развитием сюжета, ожидая, что загадку раскроет именно инспектор Кафф.

Еще одно свидетельство тщательной работы над романом – количество правок в рукописях. Кэтрин Питер описывает страницы с записями романов Коллинза как «поля сражений», но количество правок в «Лунном камне» превосходят все виденное ранее. Возможно, Диккенс, видевший первые главы, вложил немало труда в эту часть романа. Именно эта бурная деятельность стала причиной другого небывалого события для пунктуального Коллинза – задержки первых глав романа. Последние главы написаны гораздо «чище». Диккенс был в американском турне, а Коллинз, прикованный к постели, не желал и слышать об исправлениях.

В своем письме от 12 ноября Коллинз извиняющим тоном сообщает американскому издателю Харперу, что: «Этот [процесс] движется медленнее, чем я ожидал, по двум причинам… Литературные потребности этой истории вынуждают меня соединять и повторно переписывать первую половину с особым взглядом на то, что должно произойти во второй». В письме Харперу от 30 января 1868 года появляется интрига, «есть некоторые последствия, которые – если я не ошибаюсь – никогда прежде не использовались в художественной литературе». Он держал американского издателя в том же напряжении, так же как и читающую публику, не раскрывая детали этих «эффектов». К 30 января у Харпера было тринадцать номеров, а к концу февраля 1868 года –

вся первая часть. Серийный выход частей «Лунного камня» был рассчитан на одновременную публикацию по обе стороны Атлантики.

Шумиха, связанная с небывалой популярностью романа, всколыхнула затихшие было слухи об индийских алмазах. Газеты вновь запестрели пересказами историй об «Алмазе Питта», «Кохинуре» и других бриллиантах. А потому роман, где главным героем были не слабая женщина или отважный мужчина, а индийский алмаз, попал на благодатную почву, вспаханную многочисленными слухами и бесконечными историями о драгоценных бриллиантах и несметных сокровищах. Но если сюжет этого романа не привиделся автору в забытьи после очередной порции «лекарства», где Коллинз нашел свой источник? Кто рассказал ему увлекательную историю об индийском алмазе?

Очевидно, слухи об успехе романа дошли до Диккенса, поскольку он резко изменил свое мнение о романе. До своего отъезда в Америку мастер как только мог нахваливал очередное творение своего друга и ученика, а после возвращения неожиданно нашел его «утомительным до невозможности».

Не думаю, что виной тому были синтаксические ошибки Коллинза, как это утверждает Питер Акройд. Полагаю, что причиной размолвки между Диккенсом и Коллинзом также не был бешеный спрос на роман. Причина подобной перемены настроения лежит гораздо глубже, вероятно, в делах

личных. А потому позвольте поиску мотивов этой ссоры, я посвящу отдельную главу этой книги.

Некоторые критики высказывают предположение, что свой последний опус, незаконченный роман «Тайна Эдвина Друда», Диккенс строил по лекалам заимствованным у Коллинза. Это утверждение, на мой взгляд, вызывает сомнения. Во-первых, роман Диккенса остался незаконченным, а потому трудно предположить, как мастер мог развернуть сюжет и чем могла закончиться эта невероятно таинственная история, а потому утверждать о полной идентичности не вполне корректно. Скорее, можно говорить о том, как Коллинз нащупал базовые основы нового жанра, который появится в литературе гораздо позже, а Диккенс лишь подхватил эту волну. Но я не могу назвать «Лунный камень» детективом, по целому ряду причин, которым я посвящу еще одну главу моей книги.

А пока давайте вернемся к жизни Уилки Коллинза и невероятно загадочной истории появления романа мало похожего на другие сочинения английского писателя.

Глава вторая, о «Змеином камне» и алмазе «Орлов»

Среди рукописей «Лунного камня» можно найти и другие варианты названия: «Глаз змея» или еще «Змеиный камень». Целый блок заметок автора, которые цитирует Дэйвис, касаются божеств в виде змея и «поклонения змеям». Биограф пишет, что Коллинз «скопировал отрывки о преступлениях, совершенных ради обладания индийскими алмазами, и суевериях, связанных с этими камнями, о проклятиях, окружающих такие крупные экземпляры, как Кохинур и Орлов». Однако позднее Уилки заменил название на более романтичное, а «змеиную идею» игриво перенес в заглавие одного из трактатов мисс Клэк – «Домашний змий». К исследованию причин и мотивов Коллинза сделать бриллиант главным героем своего романа мы вернемся позднее, а пока давайте познакомимся с историями, неизменно сопровождавшими драгоценные камни.

***

Добыча алмазов в Индии велась с незапамятных времен. Их добывали не из горных пород и не в глубоких шахтах – большей частью просто находили в руслах горных речушек, просеивая песок. Вода сама доставляла бесценные самородки на поверхность, и опытный глаз мог приметить характер-

ный блеск в толще песка.

Есть свидетельства, что уже в древний Египет и Китай доставлялись индийские алмазы и использовались в качестве сверхпрочных инструментов или драгоценных украшений.

У себя на родине алмазы приобрели статус, близкий к божественному. Согласно «Гаруда-пуране», индуистскому трактату, окончательно сформировавшемуся в IX—X веках нашей эры, демон Бала согласился принести себя в жертву на благо Вселенной, и когда ему отрубили конечности, они превратились в «семена драгоценных камней». Боги бросились собирать «семена», отчего на небе случилась небывалая гроза и буря, а некоторые «семена» даже просыпались на землю. В трактате утверждается, что драгоценные камни обладают божественными качествами: могут искупать грехи, излечивать от змеиных укусов или болезней. Алмазы считались величайшими из них, поскольку в их частицах обитали божества. Древние индийцы верили, что обладатель такого самоцвета будет невероятно удачлив в семейной жизни, в трудах и в любом деле, за которое примется.

Однако в записанной веком спустя «Вишну-пуране» мнение о драгоценных камнях как дающих иммунитет от любых несчастий кардинально изменилось – теперь они притягивают воров и грабителей, а также могут побуждать человека к убийству.

Самым вожделенным считался легендарный Шьямантака, «принц среди драгоценных камней», который называют то

огромным алмазом, то рубином, вызывающим зависть, жадность, стремление к насилию. Именно эти самые негативные проявления человеческого характера позднее сопровождали историю «Кохинура», правда, уже не в сказках, а в реальности. Данный «культурный троп» перекочевал из индийской литературы в английскую журналистику и наводнил массовое сознание после того, как «Кохинур» получил статус королевской регалии.

Со временем драгоценные камни стали одной из центральных тем в древнеиндийской литературе. Они были не только символом великолепия и богатства, но и весьма точным признаком положения человека в социуме. Строгие правила придворной иерархии устанавливали, кому из чиновников положено носить тот или иной камень и кому какой не по рангу.

Одна из самых древних книг Индии о государственном управлении «Артхашастра» Каутильи посвящает целую главу драгоценным камням. Впрочем, для европейца деление на главы покажется сумбуром, отражающим реалии далекой и непонятной культуры: о войне, о незаконном присвоении доходов руководством армии и их возвращении, о шпионах и разведке, об использовании ядов и куртизанок для отравления… Глава о камнях не содержит древних сказаний и сосредотачивается на двух практических темах: красота камней и их применение в политической жизни.

В чужой культуре, чья древность утопает в легендах, евро-

пейские исследователи пытаются отыскать описания людей с европейским менталитетом, хватаются за случайные свидетельства, которые помогли бы прояснить явления другого мира, другой реальности. Подобные документы обычно также неточны, но написаны в близкой нам культурной парадигме.

В эпоху, когда отсутствовали исторические хроники и документы, большинство путешественников и захватчиков, попавших в Индию, словно под копирку восхищаются обилием огромных драгоценных камней, рассказывают о сосудах, доверху набитых алмазами, рубинами и изумрудами, об одежде или предметах, украшенных сотнями и тысячами полированных драгоценностей.

Одним из первых таких исторических свидетельств является трактат португальского доктора и философа-натуралиста Гарсиа да Орты «Беседы о лечебных травах и лекарствах Индии», ставший третьей в индийской истории печатной книгой.

Да Орта был очень любознательным человеком с широким кругом интересов. В его книге мы можем найти названия шахматных фигур и превосходное описание различных сортов манго, рецепты лечения холеры и любопытные истории о кобрах и мангустах.

После того как в Португалии и Испании инквизиция взялась за разоблачение евреев, доктор да Орта, урожденный Авраам бен Ицхак, будучи верующим евреем-сефардом, ре-

шил оставить должность профессора медицины в Лиссабонском университете и эмигрировать в новую колонию – Гоа. Здесь он получил статус неприкосновенного благодаря защите султана Бурхана Низам-шаха из Ахмаднагара, у которого был личным врачом. Инквизиция добралась до нашего доктора лишь посмертно: его останки достали из могилы и сожгли.

В своей книге да Орта посвящает одну из глав разоблачению мифов об алмазах. Например, уверяет, что алмазы разбиваются легко от удара молотком, что они не ядовиты и что с их помощью нельзя, как считалось, проверить верность своей второй половины. Он также подробно рассказывает о том, где и как в Индии добывают эти драгоценные камни. Отдельного внимания удостаиваются крупные алмазы. Здесь доктор большей частью пересказывает информацию, полученную от других людей. В том числе и об алмазе размером с небольшое куриное яйцо. Да Орта ничего не сообщает своим читателям ни о названии алмаза, ни о его свойствах, но, может быть, это одно из самых ранних упоминаний «Орлова»?

Большей исторической ценностью обладают записки французского ювелира Жан-Батиста Тавернье, единственного европейца, которого император Аурангзеб пригласил оценить лишь часть богатств из сокровищницы Моголов.

Тавернье к тому времени уже пять раз побывал в Индии и всегда привозил с собой такое количество алмазов, что

не просто стал одним из главных поставщиков на рынке ювелирных изделий в Европе, но и, благодаря щедрым подаркам французским королям, получил титул баронета.

И лишь во время шестой поездки, которую он совершил 35 лет спустя после первого посещения Индии, европейского торговца пригласили взглянуть на роскошную императорскую сокровищницу: сам Аурангзеб проявил благоволение к Тавернье, чтобы тот не уехал на сей раз, не увидев «великолепие праздника».

Француза вызвали во дворец, где он поклонился императору, а затем провели в небольшое помещение в пределах видимости Диван-и-Кхаса. И вот как сам Тавернье описывает небывалое событие: «В этом помещении я обнаружил Акилхана, начальника сокровищницы, который, увидев нас, приказал четырем императорским евнухам поднести драгоценности, которые они доставили на двух больших деревянных подносах, украшенных сусальным золотом и покрытых кусками ткани, сделанными специально для этой цели – один из красного, а другой из зеленого парчового бархата. После того, как эти подносы были открыты и их содержимое пересчитано трижды, три писца, которые тут же присутствовали, составили список. Потому что индийцы все делают с большой осторожностью и хладнокровием, и когда они видят, что кто-то действует спешно или раздраженно, то молча смотрят на него и смеются над ним, как над дураком».

Среди камней, увиденных Тавернье в тот день, он выде-

ляет алмаз, называемый «Великий Могол», который, по словам французского ювелира, был подарен Шаху Джахану Мир Джумлой: «Первой вещью, которую Акил-хан (главный хранитель драгоценностей правителя) дал мне в руки, был огромный бриллиант, имеющий форму розы, круглый и очень высокий с одной стороны. На нижнем краю есть небольшая трещина и легкий изъян. Он отличается безупречной чистотой и весит 286 [метрических] каратов».

Француз рассказывает также, что раньше камень был гораздо больших размеров, но из-за некомпетентности ювелиров значительно уменьшился в размерах после огранки. Сегодня исследователи уверены, что алмазом «Великий Могол» Тавернье называет камень, спустя время получивший известность как «Орлов». Где же тогда был «Кохинур», который впоследствии стал «вторым глазом» божества, близнецом «Орлова»?

По одной из версий, свергнутый Шах Джахан, хотя и был в заточении, не передал сыну все сокровища, личную коллекцию алмазов он хранил при себе. А значит, Аурангзеб получил камень только после смерти отца.

Согласно другой версии, «Орлов» к тому времени уже был инкрустирован в Павлиний трон, а поскольку французского ювелира не подпустили слишком близко к осмотру легендарной вещи, камень оказался недоступен его пристальному взгляду.

И последняя, самая невероятная версия – попытка иден-

тифицировать «Орлов» с алмазом Бабура.

В апреле 1526 года Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, поэт и лихой вояка – правитель Ферганы, с небольшим отрядом воинов, вооруженных фантастическим оружием – пушками и мушкетами, перебрался через Хайберский перевал и убил в битве при Панипате Ибрагима Лоди, султана Дели. Спустя год он в сокрушительном сражении победил раджпутов, после чего основал в Агре свою столицу и взялся за возведение райских садов.

У него не было своего царства, зато имелось преданное войско. Детство и молодость Бабура прошли в постоянных скитаниях и битвах, и ему это не нравилось. Обосновавшись в Агре, он стал основателем династии Моголов, которая правила Индией на протяжении почти 300 лет.

В своей книге «Бабур-наме» правитель рассказывает о том, как его сын в Агре пленил семью Бикрамджита, раджи Гвалиора, который купил свою жизнь за множество драгоценных камней. В этом тексте, возможно, также встречается одно из первых упоминаний «Кохинура»: «…среди драгоценных камней и других ценностей был знаменитый алмаз, который, должно быть, в свое время заполучил [султан] Ала ад-Дин [Ала ад-Дин Мухаммад-шах]. Его репутация такова, что любой уважаемый оценщик определил бы его стоимость как сумму, на которую можно было бы два с половиной дня кормить весь мир. По-видимому, он весит 8 мискалей». (Мискаль – древняя единица веса в Средней Азии.

На момент образования Советского Союза один мискаль был равен 4,27 грамма.)

И еще в одном источнике, посвященном подвигам Бабура, говорится о его алмазе: «Ни один человек никогда не видел такого [огромного] алмаза и не слышал о нем, а также он не упоминается ни в каких книгах».

Спустя четыре года после своего появления в Индии Захир-ад-дин Мухаммад Бабур скончался. Его преемником стал сын Хумаюн, который не имел военной доблести и удачи отца, зато унаследовал поэтический дар Бабура. Историки характеризуют Хумаюна как не просто мечтательного поэта, но еще и очень рассеянного человека. Он не смог удержать отцовские завоевания и вынужден был бежать, оставив в Агре своих жен и маленького сына. Однако, несмотря на рассеянность, кое-какое имущество горе-правитель с собой прихватил – мешочек с драгоценными камнями.

Хумаюн отказывался продавать драгоценные камни различным раджам и шахам, через земли которых проходил его путь. На любые предложения он отвечал очень поэтично: «У них нет цены». Но, скорее всего, это был непродуманный ответ, а указание на небрежность и отсутствие смекалки в деловых вопросах. Об этом свидетельствует случай, когда Хумаюн забыл мешочек с камнями после молитвы на земле. Мешочек подобрал мальчик-слуга и вернул господину. Растроганный Хумаюн доверил мальчишке присматривать за сокровищами. Невероятное легкомыслие и небрежность

обернулись удачей для сына Бабура и помогли ему выжить в непростое время.

Один из своих крупных алмазов сбежавший падишах подарил шиитскому шаху Тахмаспу за то, что тот выделил ему конное войско, с которым Хумаюн и вернулся в Агру.

После этих происшествий алмаз Бабура исчезает из поля зрения историков, очевидно, запертый в сундуке с другими сокровищами у какого-нибудь правителя или торговца. Но огромный алмаз не мог в итоге не вернуться в столицу, пусть бы для этого и надо было ждать несколько поколений.

Когда доверенный биограф величайшего из могольских императоров Акбара в 1596 году описывает сокровищницу, вес самого крупного камня у него составляет 180 рати, то есть примерно около половины веса алмаза Бабура. А вот схожий по размеру массивный самоцвет вернется в сокровищницу намного позже.

Но поскольку ни полного описания этого легендарного алмаза, ни истории его появления в сокровищнице Моголов не существует, то версия кажется чересчур неправдоподобной.

О приключениях «Орлова» в России

В ходе работы над романом Коллинз черпал информацию из Британской энциклопедии. Здесь следует оговориться, что составители справочного пособия довольно скрупу-

лезно подошли к изучению прошлого «Кохинура», который должен был стать украшением британской короны. В отличие от него история «Орлова», изложенная в том же источнике, представляет собой почти буквальный пересказ байки, сочиненной Георгом Адольфом Вильгельмом фон Гельбигом – секретарем саксонского посольства при дворе Екатерины II. В начале 1809 года чиновник написал на немецком языке книгу «Русские избранники», содержащую немало выдумок о российских самодержцах – например, что Екатерина II была ярой противницей всего русского. В свою очередь Екатерина характеризовала Гельбига как «истого врага русского имени» и добавляла, что он «говорит и пишет о моем царствовании все дурное, что только можно себе представить».

Эта книга на какое-то время стала основным источником истории появления алмаза «Орлов». Гельбиг делится правдивой информацией, тем не менее, преувеличивает сексуальный подтекст сделки, представляя императрицу похотливой проституткой, готовой затащить в постель любого, кто ей приглянется, а Орлова – проштрафившимся любовником. Среди эротических описаний мелькает горстка достоверных сведений, что в Северную столицу драгоценный камень попал благодаря посредничеству «мелкого армянского купца» Ивана Лазаревича Лазарева: «…при участии этого же Лазарева (Lasarew) был привезен в Петербург огромный бриллиант. Он стоял во главе этого дела и извлек из него наи-

большую выгоду, так как выговорил себе условие, по которому получал ежегодно, пока был жив, пенсию в 4000 рублей. С его стороны было очень умно поставить такое условие, но с другой стороны было очень дурно, что на такое условие согласились».

Эту информацию, присовокупляя к ней большое количество подробностей, пересказывают российские историки. Они также не упускают случая пустить в ход воображение, повествуя о судьбе алмаза:

> Есть известия, – пишет русский писатель Евгений Петрович Карнович, автор книги «Замечательные богатства частных лиц в России», – будто бы бриллиант, привезенный Лазаревым, заменял глаз золотого льва у трона Великого Могола, и что другой глаз этого льва, под названием «ко-и-нур» (гора света), находится ныне у английской королевы. По другим известиям, лазаревский бриллиант был глазом индийского идола в храме Серенгама[3]; бриллиант этот будто бы украл какой-то французский солдат, бывший в Индии в испанской службе, и убежал с этой драгоценностью на Малабар. Там этот камень был куплен капитаном корабля, продавшим его за 2000 гиней еврею, у которого и перекупил его Лазарев. Персидский шах, узнав об этом, принуждал Лазарева выдать купленный им бриллиант, но Лазарев, сделав разрез в ляжке, спрятал туда бриллиант, и так как бриллиант

[3] Шрирангапатнам – город индуистских храмов на юге Индии.

у него не был найден, то его, наконец, выпустили на свободу. Он приехал в Петербург, где по просьбе его, сделали ему операцию для изъятия бриллианта, но Лазарев запросил за него такую цену, что Екатерина II отказалась от покупки. Тогда Лазарев отправился в Амстердам, и здесь граф Алексей Орлов купил бриллиант за 450 000 рублей, и кроме того выдал Лазареву обязательство на получение пожизненной ренты в 2000 рублей. Бриллиант этот находится теперь в скипетре русских государей. Он весил до полировки 1943/4 карата, а теперь имеет весу 185 карат, и считался самым лучшим и самым крупным бриллиантом в свете[4].

Если вы сравните этот рассказ с первыми главами «Лунного камня», обнаружите, что, вероятно, его детали и использовал Уилки Коллинз в качестве исторической основы, когда работал над романом: алмаз – глаз божества, происходящий из Индии, украденный солдатом. Но, как показывают изыскания советских ученых, большинство преданий об «Орлове» являлись выдумками. Для меня же остается важным тот факт, что данный самоцвет был одним глазом льва, «заменяющего трон», тогда как «Кохинур» – другим. Об этом говорит сходство драгоценных камней и их путь: смена владельцев с восточных на европейских.

Другие исследователи судьбы «Орлова» рассказывают, что алмаз был куплен за бесценок у британского солдата (или

[4] Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. – СПб., 1874, стр. 364—365.

у некоего кавказца), спрятавшего его в ноге и дошедшего пешком с ним из Индии (или из Астрахани) в Санкт-Петербург.

На самом деле подлинная история появления «Орлова» в Российской империи куда более прозаичная. Лазарев был придворным ювелиром во время царствования Екатерины II – большой любительницы поиграть на бриллианты в карты. Родился он в семье сотрудника российского дипломатического ведомства в Персии. Его предки по происхождению армяне, а сам Ованес после переезда родителей в Россию не только получил российское имя – Иван, но и обрусел. Поскольку отец с матерью, очевидно, находились в постоянных разъездах по делам службы, молодой Иван был оставлен на попечении тетки – сестры отца, супруги астраханского купца Григория Сафрасовича Ходжеминасова, который воспитывал племянника, словно родного сына, поскольку не имел собственных детей. Григорий Сафрасович (по другим данным: Сафрас Григорий, Григорий Сафразович, Саврас Григорий) дал племяннику отличное образование и научил его основным приемам и секретам международной торговли.

Будучи очень предприимчивым и общительным молодым человеком, Лазарев легко сходится с виднейшими российскими аристократами, получает статус «придворного ювелира» и ведет собственную торговлю. Наступает год, когда в его жизни случается неожиданный поворот. Иван Лаза-

ревич в один момент превращается из поставщика императорского двора, вынужденного искать благорасположения многих влиятельных особ, в успешного арендатора Пермского имения, включающего в себя несколько металлургических и других комбинатов: Новоусольские соляные промыслы, Билимбаевский чугуноплавильный, Домрянский (Добрянский) медеплавильный и железоделательный и Очерский железоделательный заводы. Отныне Лазарев становится не просто известным ювелиром, но и одним из самых богатых промышленников России (часть арендованного имения впоследствии будет им выкуплена).

Алмаз «Орлов»

Невероятная по размаху сделка совпадает по времени с приобретением Екатериной II алмаза. Документальная история «Орлова» начинается в 1767 году, когда дядя Ивана Лазарева Григорий Ходжеминасов положил на хранение в амстердамский банк бриллиант невероятного размера. Где и когда он приобрел эту невероятную драгоценность остается загадкой.

Например, есть и такой рассказ, как Ходжеминасов делал свое состояние:

Как-то раз в персидский порт Энзели прибыл корабль с сахаром, который вез на продажу Григорий Сафрас. Здесь он застал три английских корабля с тем же товаром из африканских колоний. Проведав, что англичане торгуют сахаром по 10 туманов за центнер, Сафрас начал продавать свой сахар по 9 туманов. В ответ английские торговцы также снизили цену на 1 туман. Затем ситуация повторилась, и когда англичане установили цену на свой товар в 6 туманов, предприимчивый армянин через подставных лиц скупил у англичан весь их товар, на следующий день вернув на него цену в 11 туманов за центнер. Получив огромную прибыль, он «… купил у шаха, нуждавшегося в наличных деньгах для увеличения армии и подавления восставших племен» указанный бриллиант».

По другой же версии Сафрас купил самоцвет у персидского воина, который украл его и убил своего шаха.

Своими душеприказчиками Ходжеминасов назначил Ивана и Якова Лазаревых, поэтому они могли требовать выдать им алмаз в случае смерти дяди, как и случилось позднее. Далее модель камня, изготовленная в натуральную величину, была представлена императрице Екатерине II, после чего на счет Лазаревых поступили деньги первого транша.

Торжественное вручение драгоценного подарка было приурочено ко дню именин (тезоименитства) августейшей осо-

бы. Екатерина, подобно западным монархам, стремилась подчеркнуть важность момента и пригласила на праздник, словно невзначай, многих иностранных послов. Для церемонии был выбран подходящий кандидат, граф Орлов, который, как думали иностранцы, хотел загладить свою вину перед государыней. Спектакль разыграли великолепно, даже искушенные дипломаты поверили в эту историю.

> Третьего дня праздновали в Царском Селе день тезоименитства императрицы. /…/ Тот знаменитый большой бриллиант, который был доставлен несколько лет тому назад из Персии в Европу и хранился долгое время в амстердамском банке, и который, наконец, был привезен сюда для продажи русскому двору, но не был продан потому, что не могли сойтись в цене, бриллиант этот был поднесен в этот же день. Граф Орлов, купив его за 400 тысяч рублей у армянского купца, которому было доверено это драгоценное сокровище, поднес его Ея Величеству Государыне как букет ко дню Ее тезоименитства (фр. *comme un bouquet pour sa fête*), и Монархиня удостоила принять его[5].

Тот факт, что «ювелир» Лазарев, хоть и имел титул барона, по закону не мог быть посредником сделки, лишний раз подтверждает версию советских исследователей, что Екатерина II сама купила алмаз.

---

[5] Донесения графа Сольмса Фридриху II и ответы короля, 1772 по 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 72. – СПб., 1891, стр. 397—398 (№727).

Один из самых крупнейших бриллиантов в мире, сегодня он является достоянием Алмазного фонда России. Драгоценный камень с большим количеством мелких граней в виде «индийской розы», вес которого по примерным оценкам от 189,62 до 194 карат, украшает скипетр российских монархов.

Единственное, чего недостает в этом рассказе – проклятия, о котором не перестает напоминать читателям Коллинз. «Орлов» имеет сравнительно короткую историю, юридически чистую не только перед индийскими, но и перед официальными владельцами.

В отличие от российского бриллианта, история «Кохинура» намного длиннее, и вся она, словно толченым стеклом, усыпана бесконечными преступлениями, которые совершались ради этого камня. Путь «Горы света» до появления на британской земле и после этого сопровождают бесконечные смерти, убийства и ограбления.

Глава третья, о загадочной жизни Уилки Коллинза и его первой любви

Если вы думаете, что употребление лауданума была единственной «тайной» писателя, о которой судачил весь Лондон, вы ошибаетесь. Вся жизнь Уильяма Уилки Коллинза представляет собой одну сплошную загадку.

Долгое время любые попытки прояснить детали личной жизни писателя и подоплеку его романов регулярно заканчивались пересказом невероятных историй, которые, очевидно, распространял сам автор, слывший в дружеском кругу хорошим рассказчиком и балагуром. Коллинз всегда умел скрасить любое застолье увлекательной историей и регулярно проверял «сенсационность» своих сюжетов на друзьях. Между тем реальные детали, вдохновившие беллетриста на создание того или иного произведения, тщательно им замалчивались. Убедиться в том, какой Уилки скрытный человек, можно на примере его личной жизни и «брака» с двумя женщинами.

С легкой руки Мэри Энн Эванс, известной миру как Джордж Элиот, Коллинз был провозглашен «отцом детективного романа» и «романистом, который изобрел сенсационность», но среди множества исследовательских работ не оказалось ни одной, посвященной жизни сочинителя. Первую полную биографию опубликовали больше чем через

полвека после его кончины[6].

Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делалось. Например, Дороти Сэйерс, более чем известная детективщица Золотого века, попыталась написать биографию своего литературного кумира, но потерпела фиаско. Фрагмент ее труда был издан после смерти писательницы, а сама она фактически признает поражение из-за: «неясностей, которые окружают всю личную жизнь Коллинза»[7].

Ей вторят многие литературные критики, пытавшиеся проникнуть в эту тайну. Одна из самых проницательных ученых Сью Лонофф в своем исследовании прямо признается: «Мы слишком мало знаем о его взаимоотношениях с двумя самыми важными женщинами в его жизни, Кэролайн Грейвс и Мартой Радд» и продолжает: «Мы совсем ничего не знаем о том, что стало с его незаконнорожденными детьми»[8]. И это признание было сделано в 1992 году, то есть спустя сто лет после смерти Коллинза!

Возможно, тайна оставалась тайной столь долгое время, поскольку сформировавшаяся система традиционных семейных ценностей англичан не допускала принятия неортодоксальной жизни их кумира. Например, известен случай, когда общественное движение выступило с предложением

---

[6] Robinson K. *Wilkie Collins*. London, 1951.

[7] Sayers D. *Wilkie Collins: A Critical and Biographical Study*, edited by E.R. Gregory, Toledo, Ohio, 1977

[8] Lonoff S. *Wilkie Collins and his Victorian Readers*. New York, 1982. Стр. 7.

к столетнему юбилею увековечить память Уильяма Уилки Коллинза и воздвигнуть в его честь мемориал. Но после того как поклонники и ценители творчества мастера сенсационных романов собрали необходимую сумму, они неожиданно натолкнулись на непреодолимое препятствие. Сопротивление этой идее оказал один из ведущих журналистов «Дейли телеграф», а по совместительству декан собора Святого Павла, который озвучил в статье тот факт, что Коллинз в завещании официально разделил имущество между двумя своими любовницами, после чего критик-священнослужитель недвусмысленно намекнул на нежелательность возвеличивания такого человека «ради потомков». А все сторонники и почитатели таланта последнего предпочли промолчать в ответ.

Но благодаря усилиям нескольких человек, проследивших судьбы наследников романиста и обнародовавших шокирующие факты из его личной жизни, сегодня мы более ясно можем представить события, случившиеся в жизни Коллинза на момент создания знаменитых произведений, несомненно, оказавших влиявших на него самого и нашедших отражение в творчестве.

Если я вас в достаточной мере заинтриговал, позвольте мне начать рассказ о нашем герое с 1851 года, когда Уилки Коллинз был еще подающим надежды романистом, которого приметил мэтр английской литературы Чарльз Диккенс и предложил помочь в работе над пьесой.

Уилки Коллинз, портрет кисти Джона Эверетта Милле (1850)

Лето этого года омрачилось яростными нападками «Таймс» на сообщество молодых художников, прозвавших себя «Братство прерафаэлитов», в число которых входил младший брат Уилки – Чарльз Олстон Коллинз. Под этим названием объединились молодые художники и поэты, движимые общей идеей противостоять условностям эпохи – слепому подражанию академическим образцам и заимствованию классических форм.

Газета откровенно упрекала живописцев в том, что они своими работами «опозорили стены» Королевской академии художеств.

> Выставку прерафаэлитов яростно раскритиковали не только журналисты из «Таймс», но и ряд известных общественных деятелей, например, Чарльз Диккенс, на протяжении двух лет регулярно нападавший на братство со всей мощью присущего таланта и опираясь на значимость своего положения в обществе. Сегодня не совсем ясно, в чем заключалась подлинная причина нападок знаменитого литератора, поскольку в творчестве он фактически разделял идеалы этого художественного направления – стремление к реализму и попытку описать человеческое состояние без преувеличенного и надуманного благородства.

Насколько яростно Диккенс критиковал модное течение,

настолько же увлеченно и с большим вниманием заманивал в свой круг молодого писателя, автора нескольких романов, пьес и рассказов.

Одним из основателей «Братства прерафаэлитов» являлся Данте Гэбриел Россетти, сын итальянского карбонария, сбежавшего от итальянского правосудия в Англию. У Данте Гэбриела были две сестры и брат, которые поддерживали идеологию Братства, а потому встали на защиту модного направления.

Семейство Россетти представляло собой удивительное сочетание просвещенного интеллектуализма и набожности. Четверо детей Россетти оказались сверстниками Чарльза Коллинза, отчего молодой художник предпочитал делиться с ними своими мыслями и сомнениями. И, кроме того, Чарли влюбился в Марию Россетти, самую набожную из семьи итальянцев. Возможно, на написание картины «Размышления о монастыре» автора вдохновили размышления девушки, впоследствии постригшейся в монахини. По свидетельству современников, в образе невесты Христовой нетрудно было узнать возлюбленную живописца. Мужчина рассчитывал на взаимность со стороны Марии, но та приняла неожиданное решение. Испуганная скандальной славой, она объявила родным, что уходит от мирской жизни, и ответила отказом на предложение Чарльза. И тогда же Братство прерафаэлитов отказалось признать Чарли членом общества. Два этих события, случившиеся почти одновременно, стали уда-

ром для молодого художника и преследовали его до конца дней.

Уилки также поспешил вступиться за брата, которого большинство окружающих по-прежнему ассоциировало с прерафаэлитами. Статья, в которой сочинитель защищает главным образом картину Чарльза, а заодно и его бывших сподвижников, безусловно апологетическая, но при этом Коллинз задает вопросы, ответы на которые он будет искать на протяжении всей жизни, а именно: о браке, о положении женщины в викторианском обществе.

Писатель отказывается от очевидного объяснения картины «Размышление о монастыре» и предлагает неожиданную интерпретацию: монастырь оказывается форпостом феминизма, а женщина – не смиренной монашкой, отказавшейся от своей воли, а сильной личностью, способной без помощи мужчины решать свою судьбу. Подобное видение «женской судьбы» было далеко от того, которое предлагала викторианская эпоха.

Между тем у Коллинза заканчивался пятилетний срок обучения в адвокатской коллегии. Уилки предстояло сделать нелегкий выбор между обеспеченной карьерой адвоката и нестабильной судьбой литератора. И хотя к тому моменту Коллинз приобрел известность как автор нескольких романов, а Диккенс хвалил его за публицистические статьи и художественные рассказы, сочинительство не приносило тех денег, которые могли бы обеспечить будущее. Уилки жил

на небольшие средства, выплачиваемые ему из отцовского наследства – безбедное, но весьма скромное существование.

Чарли, подобно брату, ненавидел смиренное христианство, которое исповедовал их родитель. Но, в отличие от Уилки, он не выступал против ее институционной части, предпочитал «критику на кухне». Старший сын в письмах к матери делился своим беспокойством относительно «строгого самоотречения Чарли в вопросах поста и соблюдением дисциплины согласно церковному календарю… тогда как он все еще пытается сбросить остатки убеждений, доставшихся ему от отца». Эта неуверенность в религиозных вопросах и двойственность взглядов отразилась в творчестве Чарльза. На картине «Размышления о монастыре», представленной на скандальной выставке, автор изобразил молодую монахиню в саду с необыкновенно изысканными и фантастически гипертрофированными цветами. Монахиня была написана в традиции прерафаэлитов, а Чарли мечтал стать одним из членов этого братства поэтов и художников.

Чарльз Олстон Коллинз на ступеньках дома Диккенсов

Нельзя сказать, что нам сегодня хорошо понятны взгляды на христианство и религию в целом самого Уилки Коллинза, который в своих сочинениях удивительно мало говорил об этом, явно недостаточно, чтобы можно было сделать однозначный вывод. Вместе с тем, ряд биографических и литературных исследований не позволяют заявить, что пи-

сатель не был агностиком[9]. Да, он не верил в загробную жизнь, крайне редко посещал церковь и вел образ жизни, который не одобряли христиане, но при этом в «Лунном камне» мы постоянно встречаем краткие оценки состояния религии в Англии, а в более позднем романе «Опавшие листья» содержится следующий пассаж:

«Мы находим наше христианство в духе Нового Завета, а не в букве. <…> Почитать Бога и любить своего ближнего как самого себя: если бы у нас были только эти две заповеди, чтобы руководить нами, этого должно быть достаточно. Весь сборник учений (как их называют) мы отвергаем сразу, даже не останавливаясь, чтобы обсудить их. Мы применяем к ним критерий, предложенный самим Христом: по плодам их узнаете их. Плодами Доктрин в прошлом были испанская инквизиция, резня в ночь святого Варфоломея и Тридцатилетняя война, а в настоящее время плоды раздора, фанатизма и противостояния полезным реформам. Долой Доктрины! В интересах христианства покончим с ними! Мы должны любить своих врагов: мы должны прощать раны; мы должны помогать нуждающимся; мы должны быть сострадательными и вежливыми, не торопиться судить других, стыдиться себя. Это учение не ведет к пыткам, убийствам и войнам, зависти, ненависти и злобе…» Сегодня подобное воззвание напоминает образчик проповеди пастора. А вспомните, как

[9] См. подробнее у Lonoff S. Wilkie Collins and his Victorian Readers. New York, 1982.

Коллинз высмеивал доморощенных проповедников, идеологов христианства вроде Мисс Клэк.

Еще более откровенные признания относительно религии можно встретить в письмах беллетриста к его другу Эдварду Ф. С. Пиготту, который в 1851 году стал владельцем свободомыслящей газеты «Лидер». В посланиях, датированных февралем 1852 года, Уилки довольно пространно выражает согласие с позицией «Лидера» в вопросах литературы и политики, «и в целом социальных вопросах», но высказывает опасения относительно резких публикаций на религиозные темы. Писатель полагает, что в данном случае не может быть «равной свободы высказываний». Во втором письме он поясняет свою мысль, возражая против смешения светских и духовных практик, школ, институций и всего прочего. Как вы видите, взгляды Коллинза на религию были скорее запутанными, а представленные им «доктрины» находились где-то посредине между христианством и агностицизмом. Уилки с трудом формулировал свою позицию, а его личная жизнь никак не отвечала собственным религиозным взглядам. Очевидно, что Чарли был ведомым человеком, большая часть представлений которого оказалась заимствованной из религиозных доктрин отца – английского живописца-пейзажиста Уильяма Коллинза, хотя и подверглась некоторому переосмыслению под влиянием старшего брата.

Беспокойство за родных, невероятный энтузиазм после регулярных хвалебных отзывов Диккенса и желание

во что бы то ни стало сделаться писателем явились причиной нервного срыва. Осенью 1851 года с Коллинзом случился первый приступ. Врачи озвучивали разные диагнозы: нервное истощение, болезнь от тревожных переживаний. В дальнейшем приступы повторялись все чаще и не только в связи с внутренним состоянием, но и с погодными условиями, нежеланием делать гимнастику или вообще какие-либо физические упражнения, но главным образом в связи с несдержанностью в вопросах питания. От этих приступов Уилки «лечился» весьма своеобразно, но вполне в духе времени.

А пока беллетрист проходил лечение и решал проблемы своих родственников, на Камминг стрит, проходившей рядом со строящейся железнодорожной станцией Кингс-Кросс, в семье Грейвсов родилась девочка Элизабет. Отец – Джордж Грейвс – отлично владел стенографией и работал в адвокатской конторе. Неизвестно, по наследству ли передалось дочери умение стенографировать, но позднее Элизабет станет самым преданным секретарем Коллинза, а еще – приемной дочерью родоначальника английского детектива.

Мать – Кэролайн Грейвс, бывшая гувернантка, которая предпочитала выполнять любую поденную работу, лишь бы не попасть на панель. Спустя годы Кэролайн назовут «первой женой» Уилки, а знакомство с ней он опишет в одном из своих самых знаменитых романов.

***

Трое взрослых мужчин неспешно шли прогулочным ша-

гом с Ганновер террас на Гауэр стрит. Время было позднее, но улица хорошо освещалась светом луны. Внезапно из-за забора, окружавшего сад одного из домов, раздался отчаянный женский крик.

Мужчины стремительно рванулись к железной калитке, распахнули ее и, войдя внутрь, остановились, захваченные необычайным зрелищем. По дорожке от дома к калитке бежала женщина в белом платье, которое, благодаря лунному сиянию, казалось, само излучало волшебный свет. Фемина, не снижая скорости, пронеслась мимо трех обомлевших мужчин, окинув их мимолетным взглядом, и, вылетев в калитку, скрылась на улице.

Первым опомнился Уилки и, крикнув спутникам, что хочет помочь, так же стремительно выбежал через калитку на улицу.

Дома он появился только утром и, кипя от ярости, рассказал друзьям, что догнал женщину и проводил до дома. Прелестная незнакомка по пути поведала «спасителю» о злодее с виллы в Риджентс-парке, который на протяжении нескольких месяцев держал ее в плену и пытался подчинить своей воле с помощью спиритических сеансов, а вчера вечером угрожал убийством, после чего она сбежала.

Романтическую историю о необычайном происшествии, вдохновившем Уилки на создание одного из самых известных романов английской литературы, поведал своему сыну Джон Милле, художник-прерафаэлит и друг Чарльза Кол-

линза. Об этом мы знаем со слов сына Милле. Джон также утверждал, что был среди тех трех мужчин, кто видел появление незнакомки в белом платье. Третьим свидетелем оказался брат писателя – Чарли. Отчасти этот рассказ подтверждает жена художника, дочь Чарльза Диккенса, Кэти. От нее мы узнаем чуть больше информации, а именно, что прототипом «Женщины в белом» стала одна из будущих любовниц сочинителя – Кэролайн.

Сам Уилки нигде, кроме произведения, не упоминает об этой встрече. И вообще, Коллинз не принадлежал к числу людей, которые любят распространяться о тайнах своей личной жизни. Зато среди его многочисленных писем сохранился совсем другой намек на историю появления знаменитого романа, более приземленный и оттого, как мне кажется, более реалистичный:

> Как-то я был в Париже, бродил с Чарльзом Диккенсом по улицам, <…> мы развлекались, заглядывая в магазины. Как-то мы набрели на старый книжный киоск размером с полмагазина. Здесь я нашел несколько обветшалых томов записей о французских преступлениях, своего рода французский Ньюгейтский календарь. Я повернулся к Чарльзу и сказал: «А вот вам и награда». Именно здесь, в этих обветшалых томах, я нашел несколько своих сюжетов, один из них стал «Женщиной в Белом».

Судя по тому, как разные люди слово в слово пересказыва-

ют историю возникновения «Женщины в белом», нетрудно догадаться, что автор «обкатывал» на своих друзьях этот сюжет, повествуя им за обедом о появлении прекрасной незнакомки в обрамлении лунного света. Также очевидно, что рассказы Коллинза были настолько увлекательными и захватывающими, что спустя годы многие верили, будто все поведанное им произошло на самом деле.

На первый взгляд в подобное развитие событий невозможно поверить, если не знать о судьбе литератора, его привычках, талантах и любви к рассказыванию историй. Многое в жизни самого Уилки кажется выдумками биографов, наделенных недюжинным воображением – начиная с детства и юности, первого сексуального опыта (о котором писатель так откровенно поведал своему другу Чарльзу Диккенсу), продолжая сообщениями о любовницах, внебрачных детях, сенсационных успехах романов и постоянной борьбе за гонорары с издателями. Да, поверить в это трудно – если не понять, какое место занимала в его жизни вдова из Глостершира и другие женщины.

Она родилась в конце 1829 года, и первые двадцать лет жизни ее звали Элизабет. Затем молодая особа решила сменить имя на более благородное – Кэролайн. Будущая миссис Грейвс всегда старательно скрывала год рождения, а если приходилось отвечать на этот вопрос, то называла 1834 год, чтобы казаться на пять лет моложе. Не менее тщательно женщина скрывала тайну своего происхождения.

Кэролайн-Элизабет восторженно рассказывала, что ее отцом был джентльмен с очень аристократическим именем – Джон Кортни, а иногда она называла его капитаном (армейский чин).

На самом деле своим появлением на свет она обязана Джону Комптону, плотнику из Тоддингтона (небольшого пригородного поселка близ Котсуолдса, недалеко от Челтнэма, в Глостершире), который приехал из деревни Коум Хей (графство Сомерсет).

Эти легкомысленные попытки скрыть возраст и происхождение на самом деле скрывали более мрачную тайну, которую исследователи обнаружили лишь недавно, тщательно изучая архивы крещений в приходе Тоддингтона. Согласно записи от 8 ноября 1829 года, Элизабет Комптон, крещенная викарием Джоном Эдди, являлась внебрачной дочерью Сары Пулли из Гровелеса. Если судить по этой записи, Элизабет родилась за неделю до этой даты у женщины, которая даже не была повенчана с плотником Комптоном.

Согласно данным того же прихода, в мае 1832 года Сара произвела на свет еще одну девочку – Терезу. На этот раз графа «Родители» оказалась заполненной и новорожденная признавалась дочерью Джона и Сары Комптонов. Но все попытки найти запись о заключении брака между Джоном и Сарой, что в этом приходе, что в каком-либо другом, пока не дали результатов. Возможно, имелись причины скрывать официальную церемонию венчания, либо же она бы-

ла неофициальной. Согласно все той же церковной книге, у Комптонов после Терезы родилось еще четыре мальчика.

Когда Элизабет или Кэролайн, как я буду ее называть в дальнейшем, исполнилось десять лет, Джон Комптон вернулся в родную деревню Коум Хей, вероятно, в поисках более высокооплачиваемой работы.

Сара с детьми осталась в отчем доме. Очевидно, родители рассчитывали, что смогут устроить подросшую Кэролайн-Элизабет прислугой в роскошное имение Хэнбери Трейси, разбогатевшее благодаря резко выросшему спросу на продукцию металлургического завода.

В середине 40-х годов Сара с детьми перебирается жить к мужу в Коум Хей, а в последние года десятилетия Кэролайн отправляется на поиски работы в Бат – в то время процветающий город, но ей не очень везло с трудоустройством, поэтому приходилось перебиваться случайными заработками.

Зато женщине повезло в браке. 30 марта 1850 года она вышла замуж за Джорджа Роберта Грейвса, бухгалтера местной приходской церкви Св. Суизина, популярной сегодня, поскольку здесь, на церковном кладбище, похоронены родители и брат Джейн Остин.

Этот брак стал подспорьем для семейства Комптонов. Через год младшая сестра Кэролайн устроилась в качестве домашней прислуги в дом Генри Робертса, торговца шелком на Гэй стрит (где некогда жили Джейн Остин и подруга

доктора Джонсона Хестер Трейл). А среди учеников школы можно встретить упоминание об Уильяме Комптоне, вероятнее всего, младшем брате Кэролайн, ведь свидетелем на свадьбе Грейвсов был директор школы.

Вскоре молодожены перебрались жить в Лондон. Джордж, владевший стенографией, работал клерком в офисе адвоката, а Кэролайн спустя девять месяцев после свадьбы родила девочку – Элизабет Хэрриет.

А еще через пару месяцев, согласно документам, к молодой семье приехала мать Джорджа – Энн Грейвс, по всей видимости, чтобы помочь в уходе за ребенком.

Неожиданно 30 января 1852 года в Бате от туберкулеза умирает Джордж. Кэролайн, скорее всего, в тот момент была в Лондоне, поскольку заявление о смерти мужа в полицию написала его мать. А в апреле того же года в Коум Хей в возрасте сорока трех лет скончалась Сара Комптон, мать Кэролайн, которая родила десятерых детей.

Необходимость кормить дочь, а также своих младших братьев и сестер, вынуждает Кэролайн вернуться после похорон в Лондон. Там она открывает магазин табачных изделий на Хертфорд стрит в районе, который позже получил название «Фицровия», излюбленном месте друзей Коллинза – художников и писателей, то есть богемы британской столицы.

Уилки описал этот район в статье, опубликованной в июне 1856 года в журнале Диккенса «Домашние слова», спустя два

месяца после того, как переехал жить на близлежащую Хаулэнд стрит. Очевидно, жизнь в Лондоне изображена на контрасте с опытом жизни в Париже, где он восторженно описывал вид из окна, отсюда такой мрачный настрой: «Вижу лишь серые стены и серьезные лица сквозь дымку насыщенной атмосферы».

Не осушенные до конца заболоченные улицы отваживали потенциальных арендаторов, и биографы задаются закономерным вопросом: почему Коллинз с его подорванным здоровьем снял квартиру в столь грязном и нездоровом районе? В письмах Уилки лишь упоминает о близости квартиры к дому доктора, но, очевидно, привычно утаивает личные мотивы, поэтому истинную причину мы никогда не узнаем.

Исследователи высказывают туманное предположение, что пешеходный маршрут от квартиры Коллинза к дому его матери проходил мимо табачного магазинчика Кэролайн. Но никаких свидетельств об их знакомстве до появления истории о «женщине в белом» не сохранилось, популярный писатель умел хранить свои секреты. А история о том, как трое мужчин увидели женщину в белом платье, была опубликована лишь тогда, когда все очевидцы события скончались, поэтому ее трудно подтвердить или опровергнуть.

Очевидно, что Уилки нравилось оказывать помощь особе, страдающей не только душевно, но и физически. Возможно, также ему нравилась скрытность Кэролайн, а факт, что она была незаконнорожденной, добавлял пикантности в их от-

ношения.

Нетрудно предположить, что после смерти мужа у Кэролайн началась другая жизнь – владелицы небольшой лавки. А судя по тому, что она согласилась на внебрачные отношения с Коллинзом, жизнь эта была невзрачная, полуголодная и бесперспективная. Контингент покупателей лавочки состоял из рабочих, плотников, продавщиц из ближайших магазинов и рынка, соседок, швей, но главным образом из проституток. Кэролайн, по примеру многих хозяек магазинов, жила в одной комнате, тогда как другая выполняла функцию торгового зала. Торговля едва ли могла прокормить молодую мать с ребенком – обстоятельства подталкивали ее к проституции.

В одном из рассказов, написанных в те годы, Коллинз повествует о швее, которая ожидает, словно манны небесной, «грязной работы, маленькой оплаты, грубых ругательств», – и дальше иронично заключает: зато бедной швее не нужно ждать «ни праздников, ни общественной поддержки, ни будущего».

Кэролайн Грейвс

Если судить по произведениям, сочинителя постоянно мучили сомнения в справедливости существующего между людьми разных сословий социального барьера. Так, в «Лунном камне» Розанна Спирман влюблена в Фрэнклина Блэка, человека, которому она не ровня. И это не сюжетный прием, а попытка с сочувствием нарисовать портрет женщины – заложницы сословных различий. Автор пытается вызвать сострадание у унаследовавших «незаслуженную роскошь», а также обращается к читателям, перед которыми стоял «непреодолимый социальный барьер». В романе даже слышатся революционные нотки, поскольку «недалек тот день, когда бедные восстанут против богатых». Антея Тродд указывает на произведения Коллинза как одного из свидетелей «кризиса середины девятнадцатого века между работодателем и слугой»[10].

Факт благородства играл для Уилки Коллинза немаловажную роль. Писатель помог Кэролайн сберечь женскую честь, а еще выстроил для нее воображаемый мир без проблем и неравноправия, мир, куда можно было спрятаться от несправедливости окружающей реальности. А историю жизни и бедствий миссис Грейвс он использовал в качестве модели, рассказывая о своенравных, но обездоленных женщинах, регулярно встречающихся на страницах его романов.

[10] Trodd A. Domestic Crime in the Victorian Novel. Basingstoke, 1989.

Отношения Кэролайн и Уилки проследить очень сложно, поскольку между ними не сохранилось никакой переписки. А в письмах к родным Коллинз предпочитал умалчивать о своих внебрачных отношениях. Диккенс, озабоченный трудностями собственного брака, упоминает лишь о том, что его друг и коллега по перу представлял любовницу друзьям у себя дома, зато никогда не появлялся с ней на общественных мероприятиях. Только изредка знакомые видели их вместе в театре. Чуть больше о миссис Грейвс нам рассказывает дневник Фредерика Леманна, еще одного друга нашего героя. Он намекает на кокетливое заигрывание Кэролайн с Уилки, бесконечные разговоры о поисках мужчины, готового стать надежной опорой в жизни несчастной особы. Леманн пишет, что сожительница Коллинза появлялась пред гостями в «очень декольтированном белом платье»[11], очевидно, пытаясь напомнить о знаменитом образе из романов Уилки, но, увы, до романтичного и загадочного образа «женщины в белом» ей было далеко.

Отсутствие переписки толкает исследователей на внимательное прочтение произведений Коллинза в попытках найти там свидетельства непростых отношений с Кэролайн. Предположительно, подобным свидетельством может служить рассказ «Миссис Бэджери», напечатанный в журнале «Домашние слова» в сентябре 1857 года. В рассказе идет речь о холостяке с «большим кругом знакомых», который

[11] Lycett A. *Wilkie Collins: A Life of Sensation*. London, 2009. Стр. 202.

хочет купить дом у некоей вдовы «миссис Б.». Но та слишком любит предаваться воспоминаниям о своем покойном муже, без конца рассказывая о нем в каждой из комнат дома. И хотя Кэролайн никогда не была владелицей загородной виллы, возможно, ее бесконечные причитания и воспоминания о покойном Джордже Грейвсе навеяли этот образ.

В романах Уилки Коллинза мы видим счастливый финал, где главная героиня решает свои проблемы, выходит замуж и как в сказке ожидает долгой и безоблачной жизни. Красной нитью через все его творчество проходит размышление о судьбах незамужних женщин Викторианской эпохи. В реальности писатель не желал решить ситуацию с Кэролайн так же, как описывал в своих произведениях, предпочитая свободный образ жизни. Несмотря на сочувствие одиноким феминам, Уилки не мог отказаться от холостяцких вечеринок, посещений любимого клуба «Гэррик» или поездок на природу в мужской компании. Его представление о браке склонялось к возвышенно-романтическим:

> Свет его красоты не должен быть закрыт в четырех стенах, которые окружают родителей и семью, но должен вытекать в мир и светить бездетным и одиноким, потому что он имеет достаточно тепла, чтобы сохранить для себя, и потому что это может сделать их даже по-своему счастливыми.

Впрочем, подобные отношения не являлись чем-то необычным для викторианского общества или окружения

Коллинза. Эмоциональный и сентиментальный Чарльз Диккенс спустя несколько лет сам был вынужден признаться и себе и своим друзьям, что без ума влюбился в дочь одной из актрис, участвовавшей в постановке его пьесы «Замерзшая глубина». Девушке едва исполнилось 18 лет, и Диккенс годился ей в отцы. Писатель долго изводил себя угрызениями совести, а когда наконец решился на роман с юной особой, взял с собой в романтическое путешествие единственного друга – Уилки, одобрявшего его сексуальную интрижку.

Другой друг Коллинза, Огастус Эгг, долгое время добивался руки Джорджины Хогарт. А когда получил окончательный и бесповоротный отказ, отправился в Алжир, где женился на низкорослой девочке из Ист-Энда, которую никогда не показывал в своем кругу. Подобно Уилки, он предпочитал держать свою женщину вне поля зрения общественности, но, в отличие от товарища, скрепил отношения узами брака.

Судя по нарочитой неопределенности относительно местонахождения Коллинза и отказам, рассылаемым им перед Рождеством 1858 года родным и знакомым, от которых он никогда прежде не отнекивался, можно сделать предположение, что эти семейные праздники беллетрист решил провести вместе с Кэролайн и ее дочерью Элизабет Хэрриет.

С февраля 1859 года Уилки открыто переехал из дома, снимаемого вместе с матерью, к Кэролайн, и поселился в здании с сомнительной репутацией ночлежки. Дело в том, что

за полтора года до этого газета «Рейнолдс» опубликовала сенсационную новость, о которой пару дней гудел весь Лондон – «Лихая вдова и влюбленный полковник». В газете рассказывалось, что хозяйка дома 124 по улице Олбани обнаружила в квартире, сданной в аренду, не только съемщицу, но и отставного полковника д'Агилара и их незаконнорожденного ребенка. Все трое были незамедлительно выставлены вон. Когда же бывшая квартирантка попыталась через суд получить финансовую помощь от отставного полковника, последний заявил, что считал свою сожительницу проституткой.

В дом с подобной репутацией и въехал Коллинз с любовницей и приемной дочерью. Возможно, ему было не по карману снимать дорогую квартиру, ведь в финансовом плане он все еще сильно зависел от матери, распределявшей оставшиеся после смерти отца деньги, а может, просто хотел жить там, где не задавали бы лишних вопросов.

По сомнительному адресу Уилки и Кэролайн прожили недолго, спустя два месяца переехав в похожее заведение по адресу Нью Кэвендиш стрит. Здесь писатель впервые познакомил сожительницу с друзьями. Первым приглашение получил его давний друг – Чарльз Уорд, однако в последний момент у Коллинза изменились планы. Тем не менее он предложил провести вместе свободные пару часов, пообещав ему, что когда уедет, Кэролайн «составит тебе компанию и сделает грог – и ты сможешь оставаться так долго, как

пожелаешь»[12].

По всей видимости, летние каникулы в том году литератор проводил вместе с миссис Грейвс и Элизабет Хэрриет, поскольку трудно представить Коллинза, уехавшего на шесть недель в одиночестве отдыхать на морском побережье близ Кента.

После возвращения, благодаря Диккенсу, Уилки находит тихий коттедж на Черч хилл. В письмах матери он описывает свои дальнейшие планы, используя единственное число – вероятно, чтобы не вызвать гнев той, которая считала своего сына слишком ценным уловом для незаконнорожденной вдовы с ребенком. Именно в этот момент Коллинз начинает активно работать над романом «Женщина в белом». По мере написания главы из новой вещи печатаются им в журнале «Круглый год». И пока сочинительский процесс продолжается, Уилки вместе с Кэролайн и ее дочерью переезжают на Харли стрит 12, в небольшой дом, принадлежащий дантисту Джорджу Грегсону, расположенный в районе, где проживали одни медики.

Дом был грязный и неухоженный, поэтому Коллинзу пришлось нанять плотника, которому поручили провести отделочные работы. Плотник оказался человеком весьма болтливым и постоянно отвлекал от литературной деятельности. А еще после переезда выяснилось, что в помещениях очень холодно. Все это, разумеется, нисколько не способствова-

[12] Lycett A. *Wilkie Collins: A Life of Sensation*. London, 2009. Стр. 234.

ло сосредоточенной работе над «Женщиной в белом». Уилки был даже вынужден отклонить несколько приглашений на ужин, чтобы вечером, при свечах, закончить очередную главу, обещанную в следующий номер журнала. Но больше всего Коллинза раздражала служанка, которую арендодатель передал им вместе с домом. В своем письме к Уорду писатель рассказывает, что эксцентричная особа дергает дверь, когда «я спускаю воду в туалете». А в следующем письме продолжает: «У меня есть все основания полагать, что она, вероятно, видела меня голым».

Вся эта круговерть отвлекает и беспокоит автора, но больше других забот Уилки волнует мысль о необходимости жениться. Он поселился с незамужней женщиной, пусть вдовой, с ребенком, в своем доме – это был следующий шаг к узакониванию семейных отношений. Летом того же года его младший брат сочетался браком с Кэти Диккенс, одной из дочерей собрата по перу. А по прошествии недели в письме к матери Коллинз сообщил, что наконец-то закончил работу над романом.

Решив все вопросы с издательством, литератор отправляется вместе с миссис Грейвс в Париж. Судя по тому, что на этот раз Хэрриет осталась дома, а Уилки отправляет родным удивительно лаконичные письма, решался вопрос о женитьбе. Он поселился с Кэролайн в одном из самых дорогих отелей, посещал лучшие рестораны, благо продажи романа позволяли ему не стесняться в расходах. Но при этом Кол-

линз остается очень внимательным сыном, поскольку сообщает матери, что купил для нее модную парижскую шляпку.

Хэрриет Коллинз в модной шляпке из Парижа

Очевидно, решение Уилки принял, поскольку сразу по возвращении из французской столицы отправился в путешествие по Девону и Корнуоллу вместе с Диккенсом. Во время путешествия главным предметом обсуждения стало расследование инспектора Джонатана Уичера. Диккенс уже описывал Уичера в своих статьях о полиции, но на этот раз зверское убийство маленького мальчика и скандальное расследование всколыхнули английское общество. Обсуждения были горячими и эмоциональными, и Коллинз вернулся к этой истории спустя несколько лет, когда работал над романом «Лунный камень».

А в январе 1861 года Хэрриет отправляется учиться в частную школу, расположенную в небольшом городке Фарнэм. В школе было всего девять учеников, но это не сильно смущало Кэролайн – она планировала за время отсутствия дочери поставить жирную точку в неофициальных отношениях с Уилки. Более проницательным предсказателем развития ситуации был Чарльз Диккенс, который не верил в будущее своего друга с миссис Грейвс: это видно по сухим и резким комментариям в письмах другим людям, когда они спрашивают о личных делах Коллинза.

Уилки был уступчивым человеком, склонным подчиняться мягкому давлению, и любовница уже готовилась к свадьбе. Во время переписи, проведенной в апреле 1861 года, по адресу Харли стрит 12 записаны Уильям Уилки Коллинз,

писатель, и его жена Кэролайн Коллинз. Но к апрелю стало ясно, что сочинителю не до романтики – в переписке появляются упоминания о следующем романе. Все мысли были заняты «строительством лесов» для очередной книги. Крупные издательские фирмы наперебой предлагали свои услуги, поскольку проморгали популярного автора, и «Женщина в белом» вышла в маленьком издательстве. Наконец Уилки дал согласие и получил аванс в 5 тысяч фунтов стерлингов (в переводе на современный курс это больше 350 тысяч фунтов стерлингов, почти 29 миллионов рублей).

Коллинз гордился тем фактом, что всегда, несмотря на болезни или бесчисленные обстоятельства, сдает работу вовремя. А потому, получив такой аванс, он немедленно приступил к работе над романом «Без имени». Но Кэролайн не выходит из головы, это нетрудно заметить в новом сюжете. Здесь поднимается вопрос о женщинах, которые являются, по сути, жертвами законов о браке. Главная героиня выходит замуж, но на деле супружество является лишь узаконенной формой проституции, а ее сестра с ребенком, рожденным вне брака, оказывается более чистой и невинной. Такой ответ дает Коллинз на вопрос о необходимости бракосочетания и совместной жизни с женщиной, имевшей взрослую дочь.

Чтобы закончить работу над романом, Уилки вместе с Кэролайн уезжает из душной столицы на морское побережье. Здесь они арендуют на четыре месяца просторный особ-

няк в скалах с видом на море, который особенно понравился Диккенсу. В этом великолепном месте для отдыха за короткий промежуток побывали все друзья. Слух об особняке, оборудованном по последнему слову техники, включая холодильник, разошелся моментально. Новое произведение пишется отлично, но после возвращения в Лондон история вновь застопорилась. Писателя словно обступили болячки – печень, суставы, подагра.

Диккенс, заинтересованный в окончании романа, советует другу обратиться к Фрэнку Карру Биэрду. Знаменитый сочинитель сам уже в течение года пользовался услугами этого врача, особенно ему понравились внимание и компетентность доктора при лечении симптомов венерических заболеваний. Уилки Биэрд порекомендовал «замечательные турецкие бани с отличными шампунями». Не думайте, что Коллинз ходил в баню мыть голову, «шампунь» – слово из хинди, в те времена так называли массаж.

Еще одна положительная черта доктора Биэрда – готовность потворствовать привычке употреблять лауданум: смесь из 10% опиума и спиртного напитка, обычно вина. Литератор без конца пишет друзьям, что «очень боится сломаться при завершении книги», поэтому готов принимать любые лекарства, способные поддерживать его в дееспособном состоянии. Но пока Уилки сильно смущает необходимость пить на ночь сомнительное успокоительное, о чем он поведал в своем произведении: главная героиня покупает бу-

тылку этой смеси, чтобы совершить самоубийство.

При этом Коллинз был настолько благодарен доктору за помощь, что роман посвящен «Фрэнсису Карру Биэрду, члену Королевского колледжа хирургов Англии». Накануне Рождества Уилки пишет письмо, где сообщает: «Вы будете так же рады, как и я, услышать, что все ГОТОВО! – поскольку ваша роль в завершении книги значительна. Я закончил в два часа утра»[13]. Слово «готово» написано крупными буквами в одну строку. Он также намекает на желание пригласить врача на праздничный ужин в ресторан Верри на Риджент стрит, но тут же оговаривается, что знает о его семейном положении, и не осмеливается это сделать. На торжество были приглашены друзья, но, судя по тому, что на нем отсутствовали «семейные», очевидно, Кэролайн и Хэрриет остались дома. Кто был на этом ужине, не ясно. Может, мужская компания в окружении дам легкого поведения? А может, на обеде присутствовала мать беллетриста, не желающая терпеть любовницу, и Коллинз не стал провоцировать конфликт между женщинами?

Завершение работы над книгой не принесло выздоровления. Уилки продолжает лечение в менее интенсивной форме. Например, ему делали «простую припарку из листьев капусты». А когда у него стали отниматься обе ноги, так что он даже не мог подняться к себе в кабинет на второй этаж, то был вынужден пригласить доктора Джона Эллиотсона, по-

[13] Там же. Стр. 315.

скольку Фрэнка Биэрда вывел из строя приступ рожи – болезни, характеризующейся воспалением и сильным покраснением кожи.

Коллинз всегда умел ценить компетентных врачей и оказывал им самую высокую честь, упоминая в своих популярных романах. Например, Эллиотсон упомянут в «Лунном камне» как «один из величайших английских физиологов». Доктор прописал больному писателю тоник из полыни и курс фирменного месмеризма, который должна была проводить миссис Грейвс. Однако сама Кэролайн неожиданно подверглась «очередному нервно-истерическому приступу». Причины подобных приступов лежали за гранью очевидного клинического случая, а потому можно лишь гадать о том, не была ли это дамская уловка – попытка продемонстрировать, что женщина «нервничает», живя с мужчиной, с которым ее не связывают узы брака. Единственное описание этих приступов сохранилось у Уилки: «Она просыпалась всю прошлую ночь с „учащенным сердцебиением“»[14].

Лишенный женской заботы Коллинз прибег к привычному методу лечения – употреблению лауданума. Он догадывался об истинной причине подобных приступов, а потому в его последующих книгах героини все меньше напоминают традиционные образцы невинных фемин викторианских романов – с красивым цветом лица и чистым сердцем. Уже в «Без имени» встречается тип современных женщин, ко-

[14] Там же. Стр. 322.

торые предпочитают манипулировать не только мужчинами, но и общественным мнением, движимых жадностью и способных на аморальные поступки ради достижения цели.

Критики, не привыкшие к подобным женским персонажам, дружно набросились на автора с обвинениями, что главная героиня отделалась «мягким наказанием, несоразмерным с ее бессовестным эгоизмом». Другой рецензент сравнивает чтение романов Коллинза с путешествием, где читатель «будто идет по минам, готовым взорваться в любой момент». Критики единодушно выступали против подобных героинь, готовых нагло обманывать других людей, вступать в брак по расчету в надежде, что это сойдет им с рук. Результатом такого шквала негативных отзывов стало резкое падение продаж последнего романа, хотя традиционный замер первого месяца говорил о необходимости напечатать тираж в четыре тысячи экземпляров.

Но сочинителю было не до маркетинга. Постоянные приступы болезни измучили Уилки. И хотя он вроде бы не считался тяжело больным, доктора советовали закрепить частичное выздоровление отдыхом на немецком курорте Ахен, который Коллинз предпочитал называть на французский манер – Экс-ла-Шапель. В отеле, где остановился наш герой, обнаружился шеф-повар из Парижа, «поощрявший неестественное обжорство». А целебная вода из источника, которую следовало пить по утрам в качестве лекарственной процедуры, лишь подогревала аппетит отдыхающего. Неудиви-

тельно, что состояние здоровья снова ухудшилось.

Подагра разыгралась с новой силой и прихватила так, что писатель, планировавший добраться до Италии, был вынужден на время остановиться в небольшом уютном немецком курортном городе Шварцвальд. Неожиданно для всех, курс болезненных процедур в городских банях оказал самое благотворное влияние на самочувствие Уилки. Отдохнувший и набравшийся сил, он налегает на работу, а его письма пестрят упоминаниями о новом романе.

Здоровый и посвежевший, Коллинз летом вернулся в Лондон. Здесь ему пришлось почти два месяца решать накопившиеся деловые вопросы и Уилки обрадовался приглашению друзей отправиться в речной круиз. После катания на лодках он вновь почувствовал себя плохо и решил отправиться в Италию, куда так и не добрался. В поездку с ним отправились Кэролайн и Хэрриет, а значит, обучение девочки было прервано необходимостью путешествовать с «крестным отцом» и родной матерью.

Это решение литератора свидетельствует о том, что он не желал больше тешить миссис Грейвс напрасными надеждами на возможный брак, но при этом не хотел опуститься до уровня своих злодеев, бросавших женщин на произвол судьбы. Романы Коллинза изобилуют «решительными, образованными и высокоинтеллектуальными» героями мужского пола, но большинство из них – злодеи. Преступления подобных интеллектуалов остаются незамеченными полицией,

а потому их не может покарать система правосудия.

Возможно, Уилки взял с собой Кэрри (так он иногда называл «крестную дочь»), вспоминая о том, какое невероятное впечатление оказала на него солнечная страна в юношеском возрасте, или, напротив, желал дистанцировать двенадцатилетнего подростка от своей матери, которая продолжала упрямствовать и не желала признавать семью сына.

Коллинз не мог найти общий язык с Кэролайн, зато нашел взаимопонимание с «крестной дочерью». «Очаровательный Батлер» – прозвище Хэрриет, данное ей писателем, отражало характер замкнутого человека, потерявшего родного отца в раннем возрасте и делающего попытки найти себя между родной матерью и «отчимом». Интересно, что в период, когда миссис Грейвс неожиданно исчезла из жизни Уилки, дочь не просто заменила мать, она добровольно взяла на себя функции помощника и ответственно выполняла их до самой смерти беллетриста. До середины 1864 года Кэролайн еще с какой-то регулярностью появляется в письмах Коллинза к друзьям, дневниковых заметках и банковских отчетах. После этой даты она неожиданно исчезает из жизни Уилки. Зато Хэрриет, овладевшая к тому моменту навыками стенографии, активно помогала приемному отцу с написанием статей, заметок и романов, записывая то, что он ей диктовал. Кэрри оставалась неизменным секретарем до кончины писателя, а ее муж стал юристом Коллинза. В тот период, наиболее вероятно, на плечи юной Хэрриет также свалилась обя-

занность следить за слугами и вести домашнее хозяйство.

Очутившись в Италии, Уилки почувствовал себя лучше. Едва издатели прознали об этом улучшении, они принялись давить на автора, требуя поскорее взяться за новый роман. Не желая разрушить свою репутацию профессионала, Коллинз уселся за письменный стол. Впрочем, долгого отпуска в тот раз не получилось. Едва он набросал пару глав, Кэролайн засобиралась домой. В письме Уорду литератор пишет: «Женщины – как кошки!». Уилки обожал кошек, поэтому нисколько не пытался обидеть любовницу этим сравнением, лишь подметил невероятное желание вернуться домой.

Первые главы романа «Армадейл» Коллинз дописывает уже после возвращения в Лондон, а также активно занимается сбором материалов для нового произведения. Не забыл он и о «крестной дочери», отправив ее в частную школу мисс Крессвелл для продолжения обучения.

В это же время Уилки посетил юриста Фредерика Уври, порекомендованного ему Диккенсом. Судя по дальнейшей переписке, нашего героя интересовали проблемы, связанные со вступлением в брак. Очевидно, он обсуждал детали брачного договора, поскольку уже на следующий день после консультации отправил юристу пространное письмо, полное вопросов, так или иначе связанных с бракосочетанием.

Обстановка в квартире, которую Коллинз снимал на Харли стрит, никак не способствовала работе. В доме квартировались несколько постояльцев, а потому за стеной его каби-

нета с утра до вечера кто-то разучивал гаммы и долбил этюды. Пианино смолкало только к вечеру, зато начинало музицировать все семейство, и из-за стены доносились звуки целого домашнего оркестра. Писатель жаловался всем друзьям на «музыкальный шум», ведь он большую часть времени вынужден был проводить дома и, памятуя о причине своей болезни, старательно избегал приглашений на обеды. Единственное приглашение, которое Уилки не смог отклонить – это обед в Королевской академии:

> Королевская академия наконец-то проснулась, осознав, что старший сын Коллинза стал литературной известностью, – иронично пишет он о самом себе в третьем лице, – и пригласила его на большой ужин этого года.

Беллетрист всегда отличался пунктуальностью и необычайной работоспособностью, умением собраться и преодолеть какие угодно неудобства и неприятности. «С любым опасением, связанным с тем, что ты не можешь выполнить свою работу, нужно бороться так, как будто это преступление… думать о работе всегда, особенно в моменты вынужденного бездействия, как, например, в постели…»[15]. В начале июня он отправил в издательство первую часть будущего романа.

Ближе к Рождеству того же года Уилки снова переезжает. Коллинз арендовал на короткий период квартиру на Мелко-

[15] Peters C. The King of Inventors: A Life of Wilkie Collins. London, 1991. Стр. 15.

ум плейс, не самое лучшее жилье, но у него не было времени ездить по городу и подбирать варианты, автор хотел поскорее закончить «Армадейл». Зато на Мелкоум плейс не было музицирующих соседей.

Чарли в письме к матери, описывая беспокойство старшего брата по поводу переезда, бросает загадочную фразу: «Во всяком случае, он движется в правильном направлении»[16]. Можно предположить, что Чарльз воспринимал переезд как первый шаг на пути к расставанию с Кэролайн, но, увы, ошибался: миссис Грейвс цепко держалась за своего мужчину. Зато Чарли неплохо знал своего брата и был прав в другом: «Благодаря своей тяжелой работе он будет в безопасности, – и добавляет, – бедняга».

Едва рукопись отправилась в издательство, Коллинз принялся решать навалившиеся на него за этот период проблемы. Любимый клуб «Гэррик» испытывал бюрократические трудности, и Уилки подрядился ходить по чиновничьим кабинетам в поисках компромиссного решения. Этим же летом чуть не произошла ссора с матерью, которая не хотела больше выделять сыну средства на оплату съемной квартиры, пока тот остается с любовницей. Коллинз же был гедонистом и любил жить в свое удовольствие, а романы едва покрывали его расходы. Лишь присовокупив гонорары к ежегодным выплатам процентов от наследства отца, он оставался в плюсе. Диккенс попал в ужасную железнодорожную катастрофу,

[16] Там же. Стр. 15—16.

после чего помогал вытаскивать из вагонов, свисающих над рекой Булт, пострадавших и просто остолбеневших от шока пассажиров. За все лето ни строчки другу.

Когда турбулентный период закончился, единственное, что волновало Уилки – необходимость съехать с Мелкоум плейс, поскольку заканчивался срок аренды, а оставаться в неуютной квартире писатель не хотел. Зато теперь он довольно долго и привередливо рассматривал предложения и в итоге выбрал огромный пятиэтажный дом на Глостер плейс, 90. Рядом с домом проходила весьма оживленная дорога, ведущая на север от Оксфорд стрит к Риджент парку, огибая его родную Мэрилебон. Довольно странный выбор для человека, который привык к тишине и уединению и жаловался на шум.

Уже в конце августа Коллинз заплатил 800 фунтов стерлингов – авансовый взнос за аренду на несколько лет вперед – и нанял группу рабочих для ремонта нового жилища. Подобная рутина была обычным делом, сопровождающим появление очередного творения. И действительно, из писем Уилки становится понятно, что к этому времени он серьезно продвинулся в написании следующего романа – «Лунного камня».

Глава четвертая, о легендарной истории «Кохинура»

Впервые писатель и алмаз встретились на Всемирной выставке 1851 года.

Едва «Кохинур» перешел в руки англичан, первое, что они попытались сделать, – выяснить его происхождение, но, как вы помните, Восток – дело тонкое. Письменных свидетельств о происхождении алмаза не сохранилось, зато почти все жители Пенджаба знали множество историй о легендарном камне. А для сбора подобного рода сведений требовался особый человек, способный разговорить любого, даже индуса.

Генерал-губернатор Джеймс Эндрю Далхаузи выбрал для этой миссии одного из сотрудников Ост-Индской компании. Томас Теофилус Меткаф был шумным весельчаком и громилой, а также имел способность обернуть себе на пользу даже самую неловкую ситуацию. Он обожал собак, лошадей и вечеринки. Отец Меткафа, один из директоров Ост-Индской компании, был суровым человеком, считавшим, что дети должны получать уроки от самой жизни, а потому, когда Тео в восемнадцать лет приехал из Лондона в Дели, родитель определил его на должность простого писца. Очевидно, он следовал совету, очень популярному в XVIII веке: «не тратить молодость на „ распутных женщин» и „ чрезмерное пи-

тье», а использовать его с пользой, отправиться в Индию, где „ отрезать полдюжины голов богатых парней… и вернуться набобом»». Но испытания длились недолго, спустя два года Тео женился, а потом старший брат Меткафа Чарльз, получивший место резидента при могольском дворе, помог ему добиться выгодной должности. После этого Тео занялся своим любимым делом – коллекционированием. В его особняке, названном в честь своего хозяина Меткаф-хаус, за несколько лет собралась огромная библиотека индийских книг и произведений искусства. Но собирательство требовало немалых финансов, а Тео, словно заядлый картежник, не мог остановиться, он даже успел набрать долгов на приличную сумму. Так что Далхаузи, избравший этого весельчака для своей «болтливой» задачи, тем самым очень вовремя предложил удачное решение его финансовых проблем.

Пока Далхаузи готовил алмаз к отправке, Меткафу было поручено пройтись по знакомым и собрать как можно больше информации о прошлом легендарного камня. Поначалу он ошивался со своими ненавязчивыми расспросами на рынке. Затем зачастил в ювелирные лавки и дома бывших придворных – якобы с небольшими поручениями от генерал-губернатора.

Эта миссия была по душе весельчаку и гуляке Тео, и он с удовольствием погрузился в ее выполнение. Иногда Меткаф отсутствовал по нескольку дней, сутками пропадая в притонах, где тоже немало знали об истории алмаза.

В предисловии к своему докладу он написал, что собрал «не больше, чем базарную болтовню», и высказывал сожаление, что сведения весьма скудны и несовершенны.

Отчет Тео, рукопись которого хранится в Национальном архиве Индии, сегодня является официальной историей «Кохинура», бывшего свидетелем многовековой цепи кровавых завоеваний, грабежей и мародерства. Ее изложение кочует из книги в книгу, из энциклопедии в энциклопедию, изредка дополняемое деталями и небольшими подробностями. О ключевых событиях вы можете прочитать в статье, посвященной этому камню, в Википедии. А сам рассказ начинается следующим образом: «Согласно традиционной версии ювелиров из Дели, передаваемой из семьи в семью, этот алмаз был добыт в шахте Кохинур, находящейся в четырех днях пути от Масулипатама к северо-западу, на берегу Годавари, при жизни Кришны, который, как предполагают, жил за пять тысяч лет до этого…»

И хотя эта почти сказочная история была записана больше чем полтора века назад на рынке Дели, до настоящего времени никто из исследователей не пытался переосмыслить или оспорить сообщенное Тео Меткафом.

Проблема, как заметил летописец-весельчак, в том, что сведения об этом камне «крайне скудные и несовершенные». В индийских, персидских летописях содержится немало упоминаний об огромных, невероятных по своим размерам алмазах, но без детального описания соотносить их с «Кохи-

нуром» можно с вероятностью 50 на 50.

Более точные сведения европейцев, которым довелось познакомиться с легендарными сокровищами, в том числе и с «Кохинуром», появляются лишь с определенного момента. Хотя в последнее время историки склонны больше доверять документу Тео, составленному по рассказам на восточном базаре, чем таким историческим источникам, как мемуары императора Моголов Бабура или «Путешествия» французского ювелира Тавернье.

Первое историческое упоминание о «Кохинуре» встречается в описании персидского историка Мухаммада Казима Мерви вторжения Надир-шаха в Индию, произошедшего в 1739 году. Спустя десять лет алмаз был увезен в Персию и подробно описан десятками очевидцев – не только персов, но и индусов, французов и голландцев. Что позволяет четко идентифицировать историю драгоценного камня именно с этой даты.

Но прежде чем перейти к исторической хронике, давайте окунемся в легендарное прошлое «Кохинура».

Сокровища Великих Моголов

Моголы принесли в Индию свой, особый взгляд на драгоценные камни, основанный на персидской философии и поэзии. Любые драгоценности для них были символом божественного. С эстетической точки зрения Моголы предпочи-

тали цветные камни прозрачным: цвет наделен значением, тогда как прозрачный камень лишен смыслов. Моголы больше, чем любая другая династия древних правителей, исповедующая ислам, сознательно использовали драгоценные камни как свидетельство своего великолепия, бывшее отражением божественной славы.

Письмо Томаса Роу, английского посла при дворе Великого Могола, помогает лучше понять отношение этих правителей к драгоценностям. Англичанин подробно описывает свое пребывание во дворце падишаха Джахангира: «… одетый или, вернее, обвешанный бриллиантами, рубинами, жемчугом и другими драгоценными знаками тщеславия, такой великий, такой славный! Его голова, шея, грудь, руки выше локтей, запястья, пальцы – каждый, по крайней мере, с двумя или тремя кольцами – опутаны цепями из диамантов, рубинами размером с грецкий орех, а то и больше, и жемчужинами, каких глаза мои не видывали… украшения, являющиеся одной из величайших его радостей, настоящей сокровищницей мира, для которой скупается все, что возможно, нагромождая дорогие камни, как если бы собирался строить [из них], а не носить их».

По словам Роу, Джахангир был очень любопытным и интеллигентным человеком, страстным коллекционером. Могольский император собирал все: от венецианских мечей и глобусов до нефритовой гальки и бивней нарвала. Падишах увлекался не только медициной и астрономией, но и имел

невероятный интерес к животноводству: например, отлично, во всех деталях, разбирался в разведении коз и гепардов.

Среди прочих увлечений Джахангира была геммология – наука о драгоценных камнях. Согласно описанию Роу, император сознательно превращал себя в ходячую сокровищницу, стараясь водрузить на свои одежды, шею, пальцы, голову как можно больше драгоценностей, которыми обладал. На себя он надевал самые крупные камни, остальные украшали его трон.

Джахангир мечтал собрать все величайшие драгоценности мира. Во время его правления Новый год превратился в праздник драгоценных камней, когда он демонстрировал свои сокровища подданным. Мемуары падишаха «Тузук-и-Джахангири» представляют подборку описаний драгоценностей и историй их приобретения. Именно при Джахангире сокровищница Великих Моголов пополнилась несколькими крупными алмазами, один из которых был размером в 348 рати (примерно 305 французских каратов), что значительно превышает размеры всех известных до этого алмазов.

Самый же большой алмаз попал в могольскую сокровищницу во времена правления Шаха Джахана I, а подарил его человек с невероятной историей – Мир Джумла. Персидский иммигрант, он начинал свою карьеру как торговец обувью, но «благодаря мудрости и щедрости» превратился в крупного торговца, который был настолько богат, что имел несколько собственных кораблей.

Джумла активно «приобретал друзей при дворе» и со временем занял пост визиря Голконды, а позже – за свой невероятный подарок – стал великим визирем (премьер-министром империи). Итальянский писатель и путешественник Николао Мануччи описывает камень, подаренный Шаху Джахану, как «огромный необработанный алмаз весом 360 карат», а знаменитый французский путешественник и торговец алмазами Жан-Батист Таверньe уточняет, что это «знаменитый бриллиант, которому нет равных по размеру и красоте».

В 1628 году, во время правления Шаха Джахана, Моголы создали еще один предмет невероятной ценности, ставший впоследствии источником многочисленных легенд, – Павлиний трон. Этот символ имперского могущества с момента его появления придворные историки Моголов намеренно ассоциировали с троном Соломона, окружая его аурой древних мифов и легенд. «Изукрашенный Трон создали для того, чтобы любой, кто знал Коран, немедленно вспоминал о троне Соломона. Он имел четыре колонны, поддерживающие балдахин (церемониальный навес), на котором были изображены цветущие деревья и павлины, усыпанные драгоценными камнями. Колонны имели форму сужающейся балясины, которую Моголы называли „кипарисовой“, и были покрыты зеленой эмалью или изумрудами, что усиливало их сходство с деревьями. Над троном возвышались либо одна, либо, в большинстве случаев, две отдельно стоящие фигу-

ры павлинов – отсылка к трону Соломона, который, согласно еврейским и исламским текстам, украшали отделанные драгоценными камнями деревья и птицы».

Учитывая склонность к цветным драгоценным камням, могольские летописцы особым образом подчеркивают наличие в троне «рубина стоимостью в лакх рупий, который шах Аббас, правитель Ирана, подарил покойному императору Джахангиру». Этот драгоценный камень, известный как «Рубин Тимура», «Айн аль-Хур», «Глаз гурии» и «Фахрадж», еще два столетия будет затмевать «Кохинур» и разделит его судьбу.

В 1657 году Шах Джахан перенес инсульт, а в следующем году Аурангзеб, один из его сыновей, поднял восстание против своего брата, который был объявлен законным наследником. Он заточил отца и других родных в одной из крепостей неподалеку от Агры и сумел отстоять свое право на трон в целом ряде сражений с другими претендентами.

Об Аурангзебе мы много знаем из записок Жан-Батиста Тавернье, единственного европейца, которого император пригласил оценить часть богатств из сокровищницы Моголов.

В 40-е годы XVIII века империя Моголов была самым богатым государством в Азии, но уже не самым сильным. После Аурангзеба правление огромной империей оказалось в руках Мухаммад Шаха по прозвищу Рангила – «Красочный». А придворные называли его Устроителем раз-

влечений. Последний император Моголов обожал праздники и был большим любителем музыки и живописи. Ему нравилось наряжаться в пешваз (длинная женская туника) и туфли, расшитые жемчугом, и петь песни. Мухаммад нанял великих художников, которые должны были на огромных полотнах запечатлеть сцены из великого прошлого. После суровых времен правления Аурангзеба в империи произошел «взрыв» во всех областях культуры. Поэты и живописцы воспевали красоту женщин, драгоценных камней и события прошлого, не забывая при этом славить правителя.

Уйдя с головой в искусство, Мухаммад Шах предоставил советникам управлять страной. Губернаторы регионов, почуяв слабость императора, стали все чаще принимать самостоятельные решения. Империя медленно, но неминуемо распадалась на части. Можно сказать, что Мухаммад сам отдал власть в чужие руки.

Надир-шах, будущий обладатель «Кохинура» и правитель Ирана, был полной противоположностью Мухаммад Шаха. Он был сыном пастуха, но быстро продвинулся по службе благодаря военным талантам.

Французский иезуит, ставший на время личным врачом Надир-шаха, с ужасом описывает его как неграмотного и жесткого, противоречивого и очень властного человека: «Несмотря на свое скромное происхождение, он казался рожденным для престола. Природа дала ему все вели-

кие качества, которые превращают обычного человека в героя, и даже некоторые из качеств великого правителя… Его черная борода резко контрастировала с волосами, которые стали совершенно белыми; он был крепкого телосложения, высокого роста, не толст, не худ; лицо имел мрачное и обветренное, удлиненное, орлиный нос и четко очерченный рот, но с выпяченной нижней губой. У него были маленькие пронзительные глаза и проницательный взгляд; голос его был грубым и громким, хотя ему иногда удавалось смягчить его, когда того требовали корыстные интересы или каприз».

Надир-шах

В 1732 году Надир-шах захватил персидский трон, а затем отправился в Афганистан, где осадил Кандагар. Когда в Дели узнали о действиях Надира, по столице поползли слухи о том, что он планирует совершить набег на сокровищницу Моголов, чтобы сорвать несколько золотых перьев с Павлиньего трона. Но Мухаммад Шах игнорировал предупрежде-

ния советников, рассчитывая, что ситуация разрешится сама собой. Император расплачивался за годы увлечения музыкой и пренебрежения военными дисциплинами. Европейцы, ставшие свидетелями агонии Могольской империи, уверяют, что многие солдаты ждали Надира как героя, который должен был прогнать с трона женоподобного Мухаммада. А Надир-шах продолжал двигаться в сторону столицы, и 13 февраля 1739 года состоялась решающая битва. Надир был гениальным стратегом и готовился к ней с особой тщательностью, вооружив своих солдат новейшим оружием XVIII века – мушкетами.

Битва закончилась, не успев начаться. После этого персы просто окружили лагерь моголов и стали ждать. Надир понимал: ему непременно нужна победа, и скорость здесь не имеет значения. Спустя неделю, когда запасы закончились даже у императора, Надир пригласил Мухаммада на переговоры. «Устроитель развлечений» отправился в лагерь противника словно на танцы, с маленьким отрядом телохранителей. Как только он уселся напротив, Надир-шах сделал знак – и вся императорская охрана оказалась обезоружена. На следующий день персы отправились в лагерь моголов и привезли оттуда гарем Мухаммада, а также личных слуг и шатры. Кроме того, они сопроводили знать, чтобы та могла присоединиться к своему императору. На третий день Надир-шах предложил всем солдатам из могольского лагеря моголов вернуться домой.

Спустя неделю Надир, его воины и пленники направились в Дели. Победитель въехал в столицу с большой помпой и разместился в личных апартаментах Шах-Джахана, а Мухаммада отправили в женские покои.

Но тут произошло событие, которое до начала мировых войн можно считать одним из самых кровавых в истории. Вместе с Надир-шахом столицу заполонило порядка сорока тысяч персов, которые вольготно расположились в домах местных жителей. На следующий день торговцы зерном решили подзаработать на кризисе и резко взвинтили цены. А когда солдаты Надира отправились договориться о снижении, случилась потасовка. Неожиданно по городу разлетелся слух, что Надир-шах убит дворцовой стражей, и толпа делийцев принялась убивать захватчиков. К полудню было уничтожено около трех тысяч персов.

Персидскому шаху пришлось стремительно собрать расслабившихся солдат, и они встали лагерем между мечетью и царским дворцом. Надир объявил, что собирается отомстить жителям Дели. Началась кровавая резня.

Солдаты Надир-шаха убивали только мужчин и мальчиков, а женщин и девочек сгоняли в загоны для скота. Резня продолжалась несколько дней. Многие из домов, где пытались оказать сопротивление, попросту сожгли вместе с людьми. За это время было убито порядка тридцати тысяч человек. Над городом стоял трупный запах, поскольку убитые просто лежали на улицах. Очевидцы рассказывают

о реках крови и звериной жестокости иранцев, об уведенных в рабство десяти тысячах женщин и девочек.

Низам-уль-Мульк Асаф Джах I, великий визирь и главный соперник Надира в борьбе за власть в Могольской империи, на коленях, со связанными его собственным тюрбаном руками – знак наивысшего унижения – дополз до Надир-шаха и умолял прекратить бойню. Захватчик согласился при одном условии: если ему выплатят 100 крор (один крор равнялся примерно десяти миллионам рупий), то он готов покинуть Дели. Даже по сегодняшнему курсу это почти миллиард рублей, а по тем временам это была и вовсе фантастическая сумма.

Резня прекратилась, но жителям столицы пришлось ограбить собственный город, чтобы собрать невероятные по тем временам деньги. И тем не менее вся сумма была собрана буквально за несколько дней.

Персы не верили глазам. Центральная площадь превратилась в океан жемчуга и кораллов; сосуды с драгоценными камнями, золотые и серебряные украшения, слитки, чаши и множество других сокровищ были здесь ссыпаны в таком количестве, что персидские писцы не могли пересчитать.

Среди конфискованных предметов оказался и Павлиний трон, и другие ценные вещи, равных которым не было на всем Востоке. Драгоценностей было столько, что Надир-шах приказал украсить ими не только оружие и упряжь, но и полностью покрыть шатер. Эту работу выполняли тща-

тельно, и она затянулась на «год и два месяца».

Все это время Надир весьма обходительно обращался с побежденным Мухаммадом, который неизменно сопровождал сына пастуха, словно был его помощником или заместителем. 6 апреля 1739 года сын Надир-шаха, Насрулла, женился на праправнучке императора Шах-Джахана. В честь свадьбы на берегах Ямуны впервые в Индии устроили фейерверк. Новый повелитель Дели выступил с речью, дав наставления могольской королевской семье и пообещав в случае необходимости защитить их от диких афганцев и других врагов. А спустя месяц, 12 мая, Надир вернул корону на голову Мухаммада, формально восстановив его в статусе императора, и отправился в свои владения.

Согласно рассказу Тео Меткафа, все эти странные манипуляции персидского правителя были проделаны с одной целью – получить «Кохинур». Якобы Мухаммад Шах спрятал алмаз в своем тюрбане, который носил все время, сопровождая Надира. Когда персу донесли об этом, кровожадный правитель предложил Мухаммаду корону империи в обмен на его простой тюрбан, и последний император Моголов, не посмев отказать захватчику, отдал ему тюрбан вместе с камнем. Надир-шах вытащил алмаз на свет и был настолько потрясен его размером, что произнес только: «Кох-и-Нур» – «Гора Света», ставшее с тех пор его названием. К сожалению, ни один из персидских историков не рассказывает об этом событии, что вызывает сомнения в его до-

стоверности, ведь кроме свидетельства Тео этот сюжет появляется лишь в документах середины XIX века. Правда, похожую историю сообщает могольский придворный Джугал Кишор: по его словам, Надир, отправляясь домой, подарил Мухаммаду свое украшение для тюрбана, к которому было прикреплено перо орла, – возможно, эта история и стала основой для последней легенды о «Кохинуре». В дальнейшем персидские, афганские и сикхские историки весьма пристально наблюдают за причудливой и кровавой историей алмаза. А значит, пора перейти от легенд и сказаний к документам.

Документальная история «Кохинура»

16 мая 1739 года, после пятидесяти семи дней кровавой резни и бесконечных грабежей, войско Надира покинуло Дели, увозя с собой необыкновенные сокровища, накопленные Моголами за восемь поколений. Захваченное богатство погрузили на 700 слонов, 4 000 верблюдов и 12 000 лошадей, запряженных в повозки, наполненные золотом, серебром и драгоценными камнями. Но главной добычей был Павлиний трон с инкрустированными в него, очевидно, «Кохинуром» и «Рубином Тимура».

Согласно записям придворного летописца Надир-шаха Астарабади, за несколько недель путешествия на родину караван с драгоценностями подвергался бесчисленным нападе-

ниям голодных крестьян и местных разбойников. Даже закаленная в боях армия Надира не могла обеспечить круглосуточную охрану невероятного по размерам богатства, так что вдоль пути следования многим бедным индийцам и лихим людям повезло урвать «кусочек» сокровищ, а менее удачливым пришлось сложить свои кости.

Во избежание мародерства Надир-шах велел при переходе через реку Чинаб обыскать войско – всех, от военачальников до пехотинцев. Берущая начало в Гималаях река была бурной, переплыть ее с грузом было невозможно. Караван двигался по единственному мосту, при этом каждого солдата обыскивала охрана Надира. Поэтому значительная часть любителей легкой наживы ранее закопала свою добычу либо же сбросила в воду в надежде спустя время вернуться за ней.

По рассказу Абдул Карима, солдата из Кашмира, очевидца завоевания Дели, после прибытия на родину Надир-шах выставил на обозрение личную сокровищницу и провозгласил, что любой может прийти полюбоваться ее содержимым. В «выставочном» шатре находились: «сосуды, богато инкрустированные драгоценными камнями, украшенные ими же конская упряжь, ножны для мечей, колчаны, щиты, чехлы для копий и булавы… Были поставлены „Тахт-е Таус“, или „Павлиний трон“…»

Абдул Карим уверяет, многие солдаты ходили в импровизированный музей поглазеть на фантастические сокровища. Вдохновленный красотой и великолепием увиденного,

он подробно обрисовывает сам шатер и находящиеся в нем наиболее крупные «экспонаты»: «Снаружи шатер был покрыт тонким алым сукном, а изнутри отделан атласом фиолетового цвета, на котором были изображения всех сотворенных птиц и зверей, деревьев и цветов целиком из жемчуга, бриллиантов, рубинов, изумрудов, аметистов и других драгоценных камней… По обе стороны от Павлиньего трона стояла ширма, на которой драгоценными камнями были выложены фигуры двух ангелов». Далее следует описание, позволяющее сделать вывод о том, какой объем драгоценностей украшал один только шатер Надира. Если верить Абдул Кариму, стены шатра, опоры и штыри из золота упаковывались в тюки и деревянные ящики, для перевозки которых требовалось пять слонов. Еще два слона нужны были для перевозки тронов.

Впрочем, царствование Надира продолжалось недолго. Спустя два года, 15 мая 1741 года на шаха было совершено покушение. Надир остался жив, но после этого правителя охватило безумие. Его мучила мания преследования: где бы шах ни появился, ему везде мерещились подозрительные взгляды, – и число лишенных жизни по приказу правителя росло. Походы Надира теперь завершались не грудами сокровищ, а горами отрубленных голов, как на картине Вересаева.

После покушения правитель стал подозревать всех, в том числе самых преданных и близких людей. Он окружил се-

бя личной охраной из четырех тысяч наемников-афганцев, которым платил регулярно и больше, чем персам. В ночь на 19 июня 1747 года шах вызвал к себе в шатер их начальника и поручил ему на следующий день арестовать всех персидских предводителей. Афганцы привели войско в боевую готовность, но персы не дремали. Засекреченный приказ о репрессиях передали родственникам Надира. Персы понимали, что, если они не остановят охваченного паранойей правителя, то завтра станут первыми жертвами.

Едва ночное светило скрылось, пятнадцать наиболее нетерпеливых заговорщиков ворвались в шатер Надира, круша все на своем пути. От этого шума шах проснулся и закричал: «Кто идет? Где мой меч? Принесите мое оружие!»

Испуганные заговорщики уже хотели было бежать, но на выходе из шатра встретили зачинщиков – Мохаммад-Кули-хана и Салах-хана, которые заставили их вернуться обратно. Когда наконец убийцы ворвались в покои Надира, тот еще не успел одеться. Мохаммад-Кули-хан нанес шаху сильный удар мечом, свалivший последнего с ног, двое или трое солдат последовали примеру начальника стражи, а Салах-хан отрубил поверженному голову. Так погиб, вероятно, самый богатый правитель за всю историю человечества.

Совершив кровавое деяние, заговорщики подняли верные им отряды и принялись расправляться со всеми сторонниками Надира. Пока одни уничтожали всех противни-

ков, другие бросились расхищать его имущество. После той ночи большинство драгоценностей, оказались в руках простых солдат, слабо представляющих их истинную ценность, и разошлись по свету. По рассказу свидетеля, многие обменивали «стекляшки» на увесистые слитки золота, серебра или меди, считая, что последние стоят дороже.

Один из самых крупных алмазов в истории «Дерианур» («Дария-и-Нур») остался в Персии, поскольку местонахождение тайника с драгоценностями Надира под пытками выдал его внук Шахрох. Новым владельцем большой части сокровищ стал бывший придворный евнух Ага-Мохаммад, который сумел щедрыми посулами объединить вокруг себя значительный отряд и захватить впоследствии несколько крепостей на юге Ирана. А «Кохинур» и «Рубин Тимура» отправились в Кандагар. Афганские телохранители Надира представляли собой грозную силу, и даже после смерти шаха ни один из персидских военачальников не отважился выступить против наемников.

Уже на рассвете наемникам пришлось столкнуться с первыми мародерами, отправившимися грабить шахскую казну. Мародеров постигла участь Надира, а «главная» вдова из гарема Надира щедро вознаградила спасителя Ахмад-хана за охрану в кровавую ночь, подарив ему «Кохинур». Когда мятеж закончился, и родные покойного правителя остановили грабежи и убийства, а Ахмад-хан уже был на пути в Кандагар.

Будучи опытным воином и политиком, Ахмад-хан догадывался, что ему не удастся уйти от персов без преследования. Поэтому он отправил в Герат небольшой диверсионный отряд, а сам с основной массой всадников направился в Кандагар. Персы попались на уловку, и удачливый афганец без боя добрался до города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.